

Сергей Чугунов

Вечный Палач



Сергей Чугунов

Вечный Палач

«Издательские решения»

Чугунов С.

Вечный Палач / С. Чугунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901776-5

Алексей Катин и Константин Обручников дружат с детства. С самого рождения происходят странные случаи, в которых Лёша становится причиной многих неприятностей Кости. Обручников — гениальный, не признанный режиссёр и сценарист. Катин — простой человек, но к нему неожиданно приходит осознание, что он — Вечный Палач, который из поколения в поколение убивает праведников и гениев рода человеческого. Остаётся только понять, для чего Катин реинкарнирован в наше время, и кто будет его очередной жертвой!

ISBN 978-5-44-901776-5

© Чугунов С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава I. Осенняя Прелюдия	10
1. «Еще не время...»	10
2. Петюшка и Алексей	10
3. Сам себе режиссер	19
4. Кошмар с продолжением...	26
5. Два мира, два влюбленных создания	28
6. Поединок с телефонным аппаратом	29
7. Случай в сталеплавильном цеху	31
Глава II. Наука о контактах	33
1. Контакт? Нет контакта...	33
2. Смерть в собственном кабинете	36
3. Диалоги, диалоги, диалоги...	39
4. Выход королевы	41
5. Продолжение кошмара...	42
6. Контакт состоялся	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вечный Палач

Сергей Чугунов

© Сергей Чугунов, 2018

ISBN 978-5-4490-1776-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Хёд убивает Бальдра...

Юный Бальдр приблизился к трону своего отца и приклонил одно колено.

– О, великий Один, мне стали сниться зловещие сны, мне кажется, они предвещают мою близкую смерть.

– Присядь, рядом, мой любимый сын, и поделись со мною своими страхами. Что снится тебе, когда Соль, объезжающая небо на колеснице, запряженной двумя конями, покидает небосвод, освобождая его своему брату – месяцу Мани?

– Отец, стоит мне сомкнуть очи, как мне видится, что я иду по мрачной, темной улочке, какого-то небольшого поселка. Уже поздний вечер, а может даже ночь. Всюду снуют голодные крысы и скалят свои острые зубки. Они просто путаются у меня под ногами. Хотя, может быть, это были и не крысы, а очень крупные мыши. Улочка весьма узкая и выложена желтым кирпичом. Она то и дело плутает между ужасно ветхими строениями, возвышающимися из мрака, будто прибрежные, остроконечные скалы. и грозящими обрушиться на проходящих под их балконами случайных для этого заброшенного, окраинного района путников.

Вчера, когда я шел по улице, из-под обветшавшей крыши вырвалась свора одичавших летучих мышей, они пролетели, прошуршали в темноте в нескольких сантиметрах от моей головы, но ни одна из них даже не коснулась меня своими безобразными лапками-крыльями.

В глухой подворотне завыл облезлый пес, к нему присоединился еще один, и вскоре целый хор изуверски воющих псов заполнил протяжными и противными завываниями все звуковое пространство и без этого мрачной улочки.

«Странно, не в одном из окон не горит свет! – подумалось мне, – не может быть, что во всей этой округе, нет ни единой живой души, они, что ли, все вымерли?»

Вдруг в одном из домиков с безобразным скрипом открылась, висящая на одной петле, разбитая параличом времени, древняя, ворчливая дверь. Из вонючего сумрака дома на дьявольский свет ущербной во всех отношениях луны вышла какая-то беззубая дряхлая старушечка, с большой бородавкой над левым глазом и красным ожерельем на морщинистой как у черепахи шее. Она и была похожа на гигантскую ящерицу с круглыми совиными почти черными глазами. Да и говорила старуха, ухая, как сова.

– Ух, как я устала. Ух, как мне все надоело. Ух, ух, угу...

Вынув из-за шерстяного, вязаного платка букетик мелких белых завядших цветочков омелы, старуха протянула их мне и снова проскрипела свои дремучим и протяжным голосом:

– Наконец-то ты возвратился ко мне, Бальдр, сынок...

После таких слов, стало как-то неприятно и уныло. Повеяло могильным холодком...

– Я тебе не сын! – возразил я. – Мой отец – Один. Если ты сделаешь мне что-нибудь дурное, он покарает тебя...

Но старуха не слышала моих слов.

– Ты всегда был моим сынком, попросту изредка я пушала тя погулять в небеса, малость пожить, покудова я не заточила тебя обратно в нашу студеную пещеру Хеля.

– Злая ведьма, – вскричал я, – ты тронулась рассудком.

– Не бойся меня, сынок, я – твоя грешная мать, покаранная Богом за свою гордыню и фанатерию. Пойдем со мной, сынок, – старуха страшно захохотала, – нам вместе с тобой будет уютно в нашей пещерке. Не пужайся понапрасну, я чаю, что лет через, этак, триста я дозволю тебе еще пожить лет тридцать, от силы сорок, тебе и этого предовольно. А теперича пора...

Потом из мрака вышел молодой человек, чем-то похожий на подслеповатого Хёда. Он был одет в легкие, вымазанные желтой глиной латы воина. В руках он держал короткий, обоюдоострый меч с рукоятью инкрустированной темно-красными гранатами.

– Хёд, что ты тут делаешь? – поинтересовался я.

– Извини, великородный Бальдр, но времени на пустые разговоры и всяческие знакомства у нас попросту нет. Я пришел за тобой, чтобы отправить тебя в царство мертвых – Хель.

Отсеченная острым мечом моя голова медленно низверглась с плеч, покатила по мокрой, коричневой глине, похожей на вонючее дерьмо, и остановилась посреди огромной грязной лужи. Последним моим виденьем были маленькие серебристые рыбки, снующие в мутной воде, и громкий крик совы: «Гу-гу!»

– Сей сон весьма странен и не понятен, – громогласно произнес Один. – Я сегодня же соберу Совет Богов.

Юный Бальдр снова приблизился к трону своего отца и приклонил одно колено.

– Обсудив на Совете твой сон, мы, боги, решили оградить тебя, мой сын, от всяких опасностей. Поэтому я съездил в Хель, дабы узнать, что значит этот твой сон у вельвы-провидицы. Пробужденная мною от смертного сна вельва Фригг подтвердила твои опасения. Она утверждала, что мой сын Бальдр умрет от руки слепого бога Хёда.

Фригг взяла клятву со всех вещей и существ – с огня и воды, железа и других металлов, камней, земли, деревьев, болезней, зверей, птиц, яда змей, – что они не принесут вреда тебе, мой мальчик.

Так что, живи спокойно, мой Бальдр. Ничто тебе не грозит...

– О, великий Один, объясни мне глупому и желторотому птенцу твоего великого гнезда, почему мне может грозить опасность, если боги по своей сущности бессмертны? Почему меня могут убить, и почему какая-то вельва может отвести от меня беду, а всемогущий бог Один нет?!

– Боги – бессмертны, да это так, но ведь и люди обладают бессмертием. Только люди бессмертны – пока их помнят, а боги – пока в них верят и поклоняются им. Что такое *Хель*? Это не совсем Царство Мертвых, это Царство Забвения. Те, кто попадает туда – обречены на забвение, а, значит, смерть.

В тебя будут верить, пока ты будешь на виду. А стоит тебе перестать пребывать перед взором людей, они сразу же забудут тебя, а, значит, ты умрешь.

Бессмертного Бога убить легче, чем смертного человека...

– Как это?

– Чтобы убить человека, мало уничтожить его телесную сущность. Нужно уничтожить все друзей и врагов, которые будут вспоминать его, нужно вымарать во всех скрижалях и свитках истории его имя. И тогда его бессмертная душа исчезнет, как утренний туман знойным летом.

А чтобы убить бога, достаточно объявить всенародно, что он – умер.

И всё!

Люди перестанут о нем вспоминать – кому нужен смертный бог?!

Боги притягивают к себе людей тем, что они живут вечно. Этот миф нужно поддерживать в них, иначе они перестанут в нас верить, а, значит, наступит эпоха безбожия и вседозволенности.

Боги нужны человеку, как хлыст погонщика мулу. Если человеком не погонять, если он перестанет бояться богов, и вообще чего-либо – это приведет к многочисленным преступлениям и беззакониям...

– Так мы бессмертны или нет...

– А ты как думаешь?

На берегу ручья собрались боги, дабы позабавиться. Он устроили состязания в стрельбе из лука. Злокозненный Локи приблизился к молодому подслеповатому Хёду, стоящему в стороне, и начал ему нашептывать на ухо крамольные слова.

– Хёд, ты лишен светлого дара, ты не можешь видеть красоты мира. Я недавно был у вельвы Фригг. Она мне открыла, что твоей беде можно помочь. Но для этого ты должен убить Бальдра.

– Но это не возможно, – опешил Хёд.

– Вот, – усмехнулся Локи. – Тебя нисколько не устрашает то, что ты должен убить Бальдра, ты сомневаешься в самой возможности этого преступления.

Не бойся Хёд, боги довольно много правили на земле, настало время, когда они должны погибнуть, предоставив людям возможность самим решать свою судьбу. С гибелью Бальдра наступит эпоха Гибели Богов, все боги погибнут, кроме Одного. Он станет главным на небесах, и все люди на Земле будут поклоняться только Ему – Единому Богу. Правда, на разных языках, его имя будет звучать по-разному, да и поклоняться они будут ему по-разному. Вот только сама идея Единого Бога – будет главенствующей, и моральные нормы тоже...

– И этим Богом станешь ты?!

– Ты умен не погодам, Хёд. Я хотел бы стать этим Богом. Но я в этом не совсем уверен. Боюсь, что меня ожидают: тлен и забвение. Скорее всего, людям нужен другой Бог, малоумный и всепрощающий. Людям приятно, когда их Бог не видит и не ведаёт, что творят его дети.

Тогда можно грешить – без страха быть наказанным...

Тогда можно красть – без страха быть схваченным за руку...

Тогда можно будет убивать – без страха быть умерщвленным!

Только с таким слабохарактерным Богом можно будет творить многие злодеяния и беззакония, осознавая, что недалёковидный Бог бездумно любит всех, даже негодяев, и всегда готов прощать своих неразумных чад.

Я – Бог-закон, а человечеству нужен Бог-любовь. Может быть, ты сможешь стать им.

Во-первых, ты незряч!

Во-вторых, мягкотел!

В-третьих, ты готов ради своих своекорыстных целей убить своего собрата.

Людям это понравится.

Бог, обладающий множеством пороков и недостатков – устроит большинство людей, не особенно пекущихся о выполнении божьих заповедей.

Если хочешь стать единственным Богом, то ты должен понять, что убивать нужно не мерзавцев и безбожников, а праведников и людей, почитающих тебя.

Бей хороших – дабы плохие и ничтожные люди лицезрели и осознавали, что Божья кара может настичь любого. Пусть глупцы будут думать, что Бог забирает праведников к себе на небо раньше, чем грешников.

Бей умных – дабы дураки совсем запутались в своих мыслях, и никогда более не стремились к Истине. Ибо она должна быть доступна только Богу.

Бей любящих тебя – дабы проклинающие тебя, заблуждались, думая, что их мудрый Бог наказывает только любимых детей, потому как до остальных ему нет никакого дела.

Уничтожая цвет человечества – ты укрепишь веру в Себя Любимого и окончательно убедишь людей в том, что им, дабы заслужить любовь Бога, дабы стать бессмертным или святым – нужно умереть, желательно, молодым и, предпочтительнее, в муках...

Люди должны жить в вере и в страхе! Только эти два качества делают человека – человеком. Только они поддерживают в людях необходимость существования некоего божественного существа, которое всевидящим оком взирает на них с небес и карает разуверившихся в его силе.

Поэтому я приказываю тебе: иди и убей юношу Бальдра!

– Но Бальдр – неуязвим. Все вещи и существа дали клятву не причинять зла Бальдру. И потом он – бог, а боги бессмертны.

– Это ложь, измышленная для глупых людей, – засмеялся Локи, – Кроме того, Фригт призналась мне, что из всех вещей и существ омела клятвы не давала, про нее просто забыли. Возьми стрелу, вырезанную из ветки омелы, а я подведу тебя к Бальдру.

Кстати, тебе не нужно придумывать, как убить Бальдра. Сейчас боги забавляются тем, что стреляют из лука в неуязвимого сына Одина. К месту сказать, эту игру предложил им я...

Локи и Хёд приблизились к группе развлекающихся богов.

– Ну-ка, дайте незрячему Хёду стрельнуть в Бальдра, – предложил ухмыляющийся Локи.

– Куда ему, он и в быка попасть не сможет, а не то, что в худого Бальдра.

– Будьте снисходительны, боги, – обиженно произнес Хёд. – Я ведь тоже хочу позабавиться.

Запела тетива и остроконечная стрела пронзила незащищенную грудь Бальдра и впиалась в его слабое юношеское сердце...

Бальдр отправился в Хель.

Эпоха Гибели богов началась...

Часть первая

Сезон охоты открыт...

*«И только грешникам даруется прощенье,
а праведник всегда идет на эшафот...»*
Серхио Эль-ХИЕРРО

Глава I. Осенняя Прелюдия

1. «Еще не время...»

На только что проснувшейся полянке в парке мальчишки устроили соревнования по борьбе. Лидировал, как не странно Костя, маленький мальчик с истощенным телом. Несмотря на свою худобу, он был весьма сильным и изворотливым. Легким движением своего костлявого тела он выскальзывал из стальных объятий любого силача и молниеносно оказывался наверху, валя растерянного противника на обе лопатки.

В финале соревнований Костя должен был бороться с Лехой, своим старым приятелем. Борьба была на равных, Леха брал силой, а Костик – ловкостью. Бой мог бы продолжаться бесконечно, если бы, вдруг, Костя не вскрикнул и обмяк. Леха сгреб обмякшего паренька в охапку и перевернул на спину.

Через минуту Костик, вытирая бежавшие в три ручья слезы, сетовал, что Леха победил нечестно. Дескать, в последний момент тот предательски подло ударил его «под дых», то есть в солнечное сплетение.

– Не правда, я боролся честно, – попытался оправдаться обиженный несправедливыми обвинениями Леха. Видя, что его слова не имеют должного значения, он схватил огромный камень, самый веский аргумент в споре за истину, и набросился на плачущего Костика.

Леха уже занес тяжелый карающий камень над незащитной головой мальчика, как сильная мужская рука схватила за запястье и сильно сжала его. Мальчику стало больно, и он тотчас же выпустил камень. Булыжник с сильным шлепком повергнулся к стопам незнакомца.

Все дети с удивлением и страхом посмотрели на неизвестно откуда появившегося человека. Это был высокий мускулистый юноша с редкой рыжеватой бородкой.

– Еще не время... – тихо произнес он и пошел прочь.

Вскоре от дерева отделилась красивая белокурая девушка. Она быстро и невесомо подбежала к молодому мужчине, нежно взяла его под руку, и они испарились как легкое белое облачков в горячем майском воздухе.

2. Петюшка и Алексей

По опустевшей аллее, еще сырой после недавнего проливного ливня, шаркая огромными облезлыми кроссовками, брел одинокий прохожий. Он был обладателем весьма необычной и чрезвычайно отталкивающей наружности. На вид ему можно было дать лет двадцать, двадцать пять. Однако, глубокие морщины, избородившие его узкий лоб; тронутые сединой, густые кучерявые волосы; грустные, вечно прищуренные и вечно слезящиеся карие глаза, глаза старой, заезженной клячи, ведомой на живодерню, очень сильно старили прохожего.

И только ладно скроенная атлетическая фигура, обшарпанная кожаная куртка да потертые джинсы тонко намекали на истинный возраст этого довольно чудаковатого человека.

Одиноким прохожий, бредущий по легкомысленной аллее, в данный момент явно никуда не спешил, о чем свидетельствовала не только неторопливая, шаркающая походка, но и отсутствующее выражение изрядно помятого лица. Незнакомец неторопливо волочился вдоль длинного строя обшипанных в борьбе с гнилым климатом и выхлопными газами чахлах тополей и хилых кленов, и что-то вполголоса бубнил себе под нос, будто молился одному ему ведомому Богу, время от времени шмыгая крупным сизоватым носом.

Звали молодого человека обыкновенным мужским именем Алексей. Да и фамилия у него была ничем непримечательная, можно сказать, что у него вообще не было фамилии, поскольку разве может считаться фамилией полуматерное слово: «КАТ-ИН»?

Это же не фамилия – это... (не в обиду другим Катиным, будет сказано) приговор.

Ну, что это такое КАТИН?

Мужчина ли целиком и душой и телом принадлежащий некой Екатерине?

Жестокосердный ли потомок из династии *катов*, как издревле прозывали на Руси палачей, заплечных дел мастеров?

А может, фамилия-приговор КАТИН имела английское происхождение. Ибо выражение: «Cut in...» в переводе с топорного языка чопорных жителей Туманного Альбиона, означает: «вмешаться», например, в разговор, а может даже, вляпаться в какую-нибудь неприятную историю или обыкновенное дерьмо...

Но уже достаточно пространных и пустых рассуждений, *retournons a nos moutons*, то есть вернемся к нашим баранам, как говаривал Франсуа Рабле в своем бессмертном романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», а вернее, возвратимся к нашему барану, а еще правильнее герою, хотя это в равной степени подходит ему, ибо...

Но не будем забегать *поперед батьки в пекло*...

Алексей Катин принадлежал к гильдии свободных художников. Помимо того, что неплохо рисовал, пардон, писал (*с ударением на втором слоге*) картинку, он часто рисовался, где хотел, прожигая жизнь в пивняках да рюмочных. Где, наверное, после подошедшего к концу пива и писал (*с ударением на другом слоге*). А в перерывах между этим двумя, безусловно, содержательными и увлекательными занятиями ишачил рядовым пожарным.

Правда, основной заработок этот художник, явно не хватающий звезд с неба, имел на стороне. И, к сожалению, я не могу даже отдаленно предположить, где и чем он зарабатывал на насущный хлеб с маслом и, поди, с икоркой. Иначе бы не сидел сейчас за дохленьким монитором старенького, выдавшего виды компьютера, стуча по грязным, пыльным клавишам, а кричал бы восторженно-хмельное: «*in vino veritas!*» в какой-нибудь презентабельной забегаловке с красочной вывеской: «Ресторация» либо «БАР».

«Нет, Петюшка, – бубнил под нос, молодой человек, обращаясь к невидимому собеседнику, – если после смерти нас ничего ни ждет, если наше существование заканчивается вместе с разрушением нашей телесной оболочки, то, какого же хрена мы, извините за выражение, живем? Наша жизнь тогда лишается всяческого смысла. По такому рассуждению, жизнь не дар божий, а дьявольская кара, какой бы прекрасной она не казалась, ибо конец жесток, а не жёсток, как ты мог подумать...»

«Подумай, – Катин остановился и, не спеша, закулив дорогую сигарету, постучал пальцем себя по голове, – чего ради мы цепляемся, всеми правдами и неправдами, за любую ниточку, связывающую нас с телесной реальностью, называемой в простонародье *жизнью*?

Какая разница в том: сколько ты проживешь – год или век, если после смерти нас ожидает пустота, что и до рождения?

Хотя я не совсем уверен, что и до рождения была пустота.

Пораскинь мозгами, если они у тебя еще не атрофировались, все в природе целесообразно и закономерно. Есть ли смысл *Природе* вкладывать огромные силы и средства в человека

для того лишь, чтобы, вырастив и очеловечив, запросто взять и убить этого носителя знаний и разума?

Нет, пойми, Петюшечка, все твои доводы о преемственности, о природном самоизлучении, в котором человеку отводится роль посредника, инструмента между *природой* и *Природой* (читай Богом) – это *bred sivoj kabyly!*

Слишком расточительно было бы ломать дорогостоящую аппаратуру, ради какой-то там преемственности. *Природа* не может просто так убить живое существо, тем более человека, без пользы для себя. Ведь даже в дикой природе, хищник убивает жертву, только потому, что хочет есть, а не так, шутки ради. *Она*, то бишь *природа*, наверняка, уже изобрела какой-то неведомый нам механизм выделения мыслительной энергии, духовной субстанции, ДУШИ, в конце концов, называй, как хочешь, для дальнейшего использования, как все тот же хищник, который использует плоть убитого травоядного, для собственного пропитания.

Следовательно, Петюшенька, *смерть* – это вовсе не полное уничтожение человека как субъекта мироздания, а только перевод его в новое, пока непостижимое для нашего весьма ограниченного разума качество.

Представь себе, как мается эмбрион в материнской утробе в ожидании рождения, он еще не ведает, что его поджидает после скорых родов, и потому это ужасно страшит не родившегося. Подумать только, еще не один новорожденный назад в материнскую утробу не возвращался ни-ког-да!

Но, шутки в сторону. Я думаю, что, покинув «куколку» тела, человек превращается в «бабочку»...

«Что такое «бабочка»? – от имени незримого Петюшки задал сам себе вопрос прохожий и сам же на него ответил, покачивая головой и побрякивая от предстоящего, ему одному понятного удовольствия:

– Знаешь, мы еще с тобой поговорим об этом, но уверен на все сто, что *Матушка Природа* не настолько глупа и расточительна, как нам ка-ажется...»

Аллея закончилась, и Алексей уперся морщинистым лбом в мокрый фасад невысокого кирпичного строения с тремя парами окон и узкой, как и лоб Катина, деревянной дверью, над которой болталась на двух ржавых гвоздях истертая вывеска:

«Г::вно:::ал».

«Хм... Я вроде уже пришел. Ну, держись, Петюшечка, я тебя сейчас раздену до гола и выстегаю, посмотрим, удастся ли тебе извернуться на этот раз... Знаешь, против железной логики с одними только домыслами не попрешь...» – ухмыльнулся молодой человек и резко рванул дверь на себя. Только последняя не спешила поддаваться и, противно скрипя и постанывая, будто докучливая старуха, открылась всего лишь наполовину и замолчала. Кое-как протиснувшись в дверной проем, Алексей решительно шагнул в дымный полумрак питейного заведения.

«Пивной зал» совсем не соответствовал своему названию.

Во-первых, какой же это *зал*, если помещение маленькое, тесное, с низким, кое-где просевшим потолком.

Во-вторых, какой же он *пивной*, если вместо пива посетителям наливали какую-то липкую ядовитую жидкость, пахнущую уриной и обладающую вкусом, отдаленно напоминающим вкус пива.

Исходя из этого, в народе сие заведение было известно под иным, более подходящим, наименованием, кстати, именно оно и красовалось над дверью: «Г::вно:::ал», из которого как бы по случайности выпали две общеизвестных буквы.

Несмотря на разгар рабочего дня, в прокуренном зале было достаточно многолюдно и оживленно. Прежде чем *предпринять* какие либо действия или просто *принять*, Катин

обстоятельно огляделся. За грязными столиками сидели незнакомые ему люди. Завсегдатаи, как правило, собирались гораздо позднее часиков в шесть вечера. Закончив трудовой день, простые российские *работяги* спешили расслабиться от насущных проблем. Пропив утаенную от жены *заначку*, типичные представители рабочего класса обречено расходились по ненавистным, реже *навистным* домам. Там их поджидали новые проблемы и неприятности, кои неизменно начинались сразу же за порогом родного дома. Они вырастали перед ними в женском облики: чаще рассерженной супруги; реже бранчивой тещи; и совсем уж редко в образе любящей матери, озабоченной долгим отсутствием ее нерадивого чада.

Тщетно всматриваясь в хмельной сумрак, Алексей с большим трудом разглядел озабоченного Петюшку, сидящего в дальнем углу зала за качающимся столиком рядом с каким-то краснощеким *кривогубым пузаном*.

Петюшка – проспиртованная душа этого питейного заведения, вот уже битых полчаса безрезультатно *охмурял* своего индифферентного вида собеседника. Но, похоже, эта оплывшая жиром крепость была непреступна, о чем можно было судить по квашенному выражению кислот физиономии Петюшки. Угощать изрядно надоевшего прощелыгу этот *VIP субъект* совсем не собирался.

Увидев вошедшего Алексея, неудачливый пройдоха оставил *брюхана* в покое и радостно поспешил навстречу.

– Ну, наконец-то, что у тебя там, на дежурстве все погорело, чего это ты так припозднился? Я уже чуть было не окочурился, покудова тебя дождался. Этот *сранный питух* нисколько не намеревался впихиваться в мое положение... – пролепетал *старичок-невеличок* и, приблизившись на расстояние, недостижимое для кулачищев Алексея, нерешительно предложил:

– Может быть, засядем где-нибудь... шибчей...

Молодой человек скроил недовольную физиономию, будто бы у него сегодня было иное настроение и планы; будто бы он не спешил на всех парах с ночного дежурства на встречу с местным *философом-пьянчущикой*. И в ответ на предложение старика, он только нехотя кивнул головой, как бы соглашаясь с предложением, и молча направился к ближайшему, грязному столику.

– Ну, как? – проронил Катин, усевшись.

– Чего как? – боязливо поинтересовался Петюшка, неуверенно опускаясь на обшарпанный стул.

– Да так...

Но этот перенасыщенный информацией немногословный разговор был прерван на самом интересном месте, дело в том, что к нашим полемистам подошло, нет! подвалило огромное *официантино* в брюках, непонятно какого пола (унисекс, как сейчас модно выражаться). Длинные прямые волосы существа были небрежно собраны в косичку, многочисленные серебряные сережки, как опять облепившие мочку невымытого уха, весело позвякивающие при хождении, тускло сверкали в полумраке подвала, а немного узковатые и нагловатые глаза были подкрашены не то тенями, не то чьими-то весомыми кулаками.

Подойдя к столику, *официанто* осторожно осведомилось гнусавым басом:

– Чо бум?

– Два... – начал было Алексей, но, как бы случайно увидев Петюшку, который аж приустал, чтобы его не забыли, заказал:

– Три... И без селедки. Она все равно тухлая.

– Не надо *ля-ля...* – попыталось возразить *официанто*, но, встретившись с тяжелым взглядом Алексея, сразу же прекратило прения, вовремя вспомнив о невыдержанном характере постоянного заседателя пивного зала.

Когда это чудо российско-советского общепита проходило мимо Петюшки, старик незаметно поманил его пальцем и что-то нашептал на ухо. Официант только усмехнулся в ответ и безучастно произнес:

– Ну, дык, ладно...

– Так о чем ты мне хочешь поведать, Петюшка? – закуривая сигарету, как бы промежду прочим, поинтересовался Катин.

– А хрен его знат... – пожал плечами старик. Хотя, извините за наглую ложь, дело в том, что плеч у Петюшки, как и многого другого не было. И вообще было не понятно, каким образом держалась душонка в этом обтянутом морщинистой кожей скелете, и была ли она вообще. Маленький, подвижный Петюшка вальяжно откинулся на спинку стула и, изобразив прямотаки царский жест костлявой, трясущейся с бодуна рукой, полюбопытствовал:

– И де вы сѣдня боролись с *Геенной Огненной*?

Сделав еще один царский жест, который означал все тоже – он хотел курить, Петюшка сник. Но Алексей, и в тот раз, проигнорировал его закодированную просьбу.

Вскоре официант принес пиво и селедку...

– Но я же просил!!!

– Заказано, – не без страха ответил работник общепита и боком, боком попытался улизнуть.

– То есть как это? – возмутился Катин и привстал.

– Да я...

– Леша... Леша... – заерзал на стуле Петюшка, – это я его попросил, жрать хотца...

Алексей перевесился через стол и, схватив Петюшку за грудки, нанес ему сокрушительной силы удар. Мужичок, визжа, как недорезанный поросенок, перелетел через стул и грохнулся на спину в узком проходе у соседнего столика, едва не сбив с ног официанта.

Едва очухавшись, Петюшка на четвереньках подполз к столику и, путив жалостливую слезу, стал плаксивым голосом молить Катина о снисхождении.

– Ладно, уж... Только убери ее с моих глаз, а когда я уйду, похаваешь.

Обрадованный Петюшка смахнул селедку вместе с двумя черствыми, заплесневелыми кусками хлеба в какую-то засаленную авоську и осторожно присел на краешек стула, жалобно глядя, как Алексей попивает пиво. Потрогав левый глаз, под которым уже распускался сиреневый цветок с экзотическим названием «*фингал*», невинная «*жертва террора*» притихла, и пить свое пиво пока не отваживалась.

– Петюшка, а скажи мне, что такое, по-твоему, *жизнь*?

– Жизнь?.. – мужичек наморщил и, без того сморщенный, узенький *лобишко*... – Да как тебе сказать...

Петюшка кивнул на пивную кружку, демонстративно глотая слюну.

– Пей, хрен с тобой...

Жадно отпив несколько глотков, старик заулыбался, и начал философствовать:

– Видишь ли, *жизнь* – это, что-то навроде огромной цепи. Кому, значитца, украшение, а кому и кандалы. А мы, надо полагать, навроде звеньев у ейной. Деды наши да отцы – это, так сказать, начальные звенья, а уж детки, там, значитца, да внуки всяческие – это последующие, стал быть. На стыке, значитца, мы нарождаемся, на стыке и помираем.

– А после смерти что?

– Опосля што ли? – Петюшка еще отпил несколько глотков и, взяв кружку в руки, снова откинулся на спинку и начал качаться на задних ножках стула. – А снова жизнь...

– То есть как это? – изобразил удивление Алексей, подвигая вторую кружку ближе к Петюшке.

«Философ» спросил взглядом: «Мене?» и, получив утвердительный ответ, продолжил свои размышления:

– Звено-то оно, почти круглое, так вот мы и бегаем по кругу, равно лошади по цирковой арене. Наша Вселенная тоже, может быть, представляет из себя кольцо. Ну шо такое бесконечность? Жутко даже вообразить, да и чижало. А ежели пораскинуть умишком, это незатейливое кольцо. Вселенная замкнута на самую себя, ни те начала, ни те конца, однозначно, слово – бесконечность.

Так и бытие – это нескончаемая цепь с круглыми звеньями или сцепленными меж собой листами Мёбиуса...

– Ты даже Мёбиуса знаешь! – приподнял от удивления бровь Катин и полюбопытствовал:

– И что в следующей жизни опять все будет так же, как и в предыдущей?

– Нет, на кой ляд же всё, – отозвался Петюшка, переливая пиво из катинской кружки в свою. – В целом все не совсем так, а можа и вовсе не так. Но кое-что, поди, и воссоздается, ты неужто не примечал этого.

– Ну, замечал нечто похожее... А скажи мне, горе мое луковое, неужели и в следующей жизни ты опять будешь такой же, как сейчас, *свиньей*? Ежели ты и раньше был ею, то, признайся, не надоело тебе шута из себя корчить да объедки с барского стола подбирать.

– *Карма*, значитца, таковская...

– *Карма*? А не хотелось ли тебе изменить эту карму? В конце концов, ты тоже, какой никакой, человек, не обидно, что ли, тебе свиньей обретаться? Как-то несправедливо получается, по твоей теории, одним, значит, звено из злата-серебра, а тебе *наидостойнешему* из отходов жизнедеятельности, спаянных дерьмовым оловом?

– Знаешь, Леха, мене и так покуда недурственно, ты меня токо изнаружи и видишь, да, чай, мозгуешь: «Вот како убожество, мразь небритая... вот, мол, из-за кружки пива каждому готов задницу лизать!»

А ты пошевели мозгой, разве тебе самому не доводилось совершать нечто подобное? Оно, правда, задницы, кои ты лизал – верно, поупитанней да почище, но вырабатывают-то они един продукт жизнедеятельности. Так что, ничем ты мене не лучша, а может даже и хуже...

Катин начал потирать кулак. Стоило только взглянуть на его раскрасневшуюся физиономию, то можно было, даже не обладая телепатией, прочитать одну лютую мысль: «Завали рот, *чмо!* А не то я тебе *едальник-то* заткну!»

Но Петюшка, казалось, не замечал его гнева и увлеченно продолжал:

– Я-то способен выскочить из замкнутого круга – устроиться, в пример, на работу, завести семью, детишками обрасти, а ты, Лешенька, обречен, на веки вечныя, будто пони кака всю *жизню* по кругу гонять.

– Почему же? – выдавил Алексей, едва сдерживая себя.

– У тебя наличествуют блага, каковыми ты дорожишь, а мене нечего терять, кроме этой цепи, у меня не хрена нет, кроме этой мрази, кою все жизнью, почем зазря, кличут, да и та и гроша ломанного не стоит. У несчастного человека можно отнять тока несчастье.

– А неужели нет выхода из этого заколдованного круга... Вот, например, по буддистской модели, душа человека переселяется из одного тело в другое, а у тебя выходит, что он все время живет в одно и то же время, в одном и том же теле, одной и той же жизнью...

– Не... ну ты не совсем прав, – усмехнулся Петюшка, и начал весьма здраво излагать свои мысли, перейдя с простонародно-матерного на научно-популярный язык. – В буддизме нет понятия души как вечной субстанции, человекье «я» отождествляется с совокупным функционированием определенного набора *дхарм*, нет противопоставления субъекта и объекта, духа и материи, нет Бога как творца и, безусловно, высшего существа. После смерти человек разваливается на исходные составляющие, а позднее из множества отдельных частей собирается некая иная личность.

Но я подозреваю, что все несколько иначе. Время имеет вертикальное расположение, вовсе не так, как мы кумекаем, дескать, оно движется от прошлого к будущему, а все, понима-

ешь, слито в единое целое, концы сведены с началами, как в порнографической сцене. Поэтому все повторяется, как я уже заявлял, но каждый раз складывается немного по-разному, навряд ли как в крутящемся калейдоскопе осколки стекла каждый раз складываются в новую картинку...

Одно неизменно, господин Катин, так называемый исторический промежуток, в каком протекает твоя жизнь, плюс минус несколько лет или столетий. Может быть и родители, и место рождения и прочие причиндалы меняются, как те же стеклышки в калейдоскопе. Существует миллиарды вариантов земной истории и все они переплетены, перепутаны и поставлены раком, то есть, я хотел сказать, вертикально...

Ну, уразумел, что я тебе сказал, дурная ты голова.

Мы, Леха, будто электрон какой, скачем с одной энергетической орбиты на другую. В одном ты прав, наверняка, есть несколько человек, кои могут, переходить от одного звена к другому, будто монах, перебирающий четки...

Может быть это я, может быть – ты...

Хотя, поди, это и не ты и не я, слишком уж мы мелко плаваем...

– Слушай, Петюшка, откуда у тебя – грязной мрази – такие чистые и умные мысли... Ты же лицо без ничего: без места жительства, без ума и без права на жизнь...

– Давай лучше выпьем... – ушел от темы старик.

– За что будем пить?

– За красавицу *Жизнь!* Пригожую и загадочную незнакомку, с коей не каждому дано переспать и испытать всю гамму неземных улад и блаженств. За похотливый поцелуй *Смерти*, коя хотя бы на краткое время освободит нас от всех земных мучений и вымарает навсегда наши имена из истории нашей бесталанной, самой ординарной планетки, на коей ни одна скотина никогда не помянет нас душевным словом.

– Ты что помирать собрался? К чему этот патетичный, высокий штиль, говори проще, я тебя совсем перестал понимать...

– Или не чаешь разуместь? Давай дербалызнем за взаимопонимание.

– Давай...

Алексей протянул свою кружку, и обрадованный старикашка легонько стукнул об нее своей кружкой и жадно втянул вонючее содержимое.

– Ну, как пошла? – с явным сарказмом в голосе поинтересовался Катин, закуривая сигарету.

– Но, но... Не очень-то. Немудрено потешаться, когда тебя не терзает похмельный синдром... Я вот только одного никак не могу расчухать, какого черта, при твоих-то доходах, ты слоняешься по «Рюмочным» да пивнякам, шел бы в какое-нибудь благопристойное заведение, чего ты позабыл в наших, Богом проклятых, забегаловках?

Алексей откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и, затаившись, попытался объяснить Петюшке свое поведение:

– Я пытаюсь раскумекать, как вы, люди, не имеющие за душой ничего, кроме долгов, люди, каковые и людьми называются лишь по праву человеческого происхождения, как вы живете? для чего? чем? В чем смысл вашего бессмысленного существования? Вот ты, например, Петюшка, объясни мне, неразумному, для чего ты живешь?

– Потому что меня мать родила...

– Нет, ты мне ответь на вопрос: «для чего?», а не «почему?»...

– Слушай, Катин, давай еще примем, а то у меня крыша поехала от твоего допроса, может ты еще меня сказнить собрался, фамилия у тебе подходящая для етого делу...

– Пей, – ответил Катин, протягивая старику свою кружку, – я пока воздержусь, хочу сохранить ясность ума.

– Не понял... – удивленно расширил глаза старик. – Знаешь, а, по-моему, ты не прав, именно алкоголь и осветляет ум, мысли сами так и вливаются в пустой сосуд головы. Пьяный

мозг, будто губка, жадно вбирает в себя все, что ей преподносят... Правда, поутрянке после этого «сушняк», но ведь это же потом. А и потом: кому на Руси по утру хорошо?..

– И все-таки я воздержусь.

– Как знаешь... – Петюшка покачал головой и, помыслив: «Мне бы его заботы...», опро- стал почти наполовину подвинутую к нему кружку пива и закурил, без спроса взяв сигарету из катиновской пачки, покоящейся на столе.

– А вообще мне малопонятен твой прямо-таки болезненный интерес к нашему брату. Живи – как могёшь, и не лезь – куда не след!

– Это твой жизненный принцип или трёп пьяного языка? Вообще, ты, опустившийся ниже уровня городской канализации, ты, переводящий добро на дерьмо, чего ты живешь? Таких, как ты, нужно уничтожать, выжигать как бородавку, вскочившую на здоровом теле нашего общества.

– Во-первых, ты не первой, кто предлагал такие ка-ардинальные меры. А, во-вторых, кто тебе провещал, что наше общество здорово? Пусть я – бородавка, пусть я не приношу никакой пользы, но ведь и вреда от меня никакого нет.

А вот, такие люди, как ты и иже подобные – не потребны, ежели не сказать более, вредо- носны. Если и надо кого-нибудь уничтожать – так это вас!

Вы, как энцефалитные клещи, присосались к нездоровому телу нашего общества и сосете нашу последнюю кровь. Разжились тут, «висками» балуетесь, икру трескаете да на «мерсах» разъезжаете... Сволочь, ворье – да и только.

– Ты бы последил за базаром. У меня и машины нет, а все деньги, каковые я имею, я заработал... – Алексей показал свои мозолистые ладони, – вот этими руками. Да и потом, кто тебе мешает разбогатеть?

– Совесть. Пускай у меня неприличная одежда, непристойные мысли, матерный разговор, но душа-то у меня чиста, как стеклышко. Ежели ее освободить от скверны, коя прилипла ко мне, как ракушки к кораблю, долгое время пробывшему в плаванье, то она заблестит, как брильянт на солнце, в своей чистоте и детской невинности.

– Чья бы корова мычала... Да и потом ты же – материалист, ты же отрицаешь существо- вание души.

– Души в христианском понимании. Душа – это нечто непостижимое для нашего ума. – Петюшка перевел дыхание и, раскурив погасшую сигарету, продолжил:

– Человек – разумное животное, но с ограниченными способностями и рассудком; и рас- кусить такую тайну мироздания, как душа, ему не дано никогда в жизни. Но наличествует прочая форма существования материи, способная осмыслить человеческое, порой лишенное смысла, существование.

– Петюшечка, да ты никак филосОф?

– Катинькин мой, когда ты еще в пеленки писался, я имел счастье, а может несчастье, цельных четыре года протирать штаны на отделении Научного Коммунизма в нашеньском *уни- версе*...

– Боже... – неподдельно тяжело вздохнул Алексей, – как же низко ты пал. Почему? Ответь мне, почему ты не пытался, и не пытаешься подняться?

– А кто тебе взговорил, что я пал. Я вознесся над суетой, воспарил над нашей мелочной суетой и теперича наслаждаюсь свободным...

– ... падением...

– Нет, Лешенька, полетом, койи вам простым смертным неведом. А звания и прочие регалии мене ни к чему. И, потом, кому нужно мое, отличное от общеустановленного, толко- вание многих вещей?

– Например?

– Пожалуйста... – осклабился Петюшка, приложился губами к пивной и, кряхтя и причмокивая, сделал пару ненасытных глотков. – По материалистической философии наличествуют две формы существования материи: вещество и поле.

Но что тогда именуется жизнью?

«Существование белковых тел»?

Слишком малограмотно и расплывчато...

Жизня, Лешенька, дражайший мой, это не что иное, как третья форма существования материи.

– А разум – это четвертая форма? – предложил Алексей, отхлебнув из Петюшкиной кружки.

«Что-то горло пересохло, уж не от волнения?»

Чушь!

Какой-то доморощенный философ несет откровенную ахинею, и, наверняка, не им придуманную, а я принимаю ее за чистую монету...

Похоже, опустившись на самое дно жизни и пытаюсь понять психологию поведения, образ мыслей падших, я сам стал таким же или, по крайней мере, становлюсь. Как бы мне не свихнуться часом, я и так последнее время замечаю, как катастрофически я глупею...» – мысли одна за другой бороздили узкий лоб Катина, оставляя глубокие, неизгладимые морщины. А Петюшка продолжал наседать со своим, «отличным от общеустановившегося» учением:

– Да. Вот видишь – и ты согласен со мной.

– Я согласен? Я только предположил. А существует ли иные более высокие формы существования материи?

– Знамо дело, коллективный разум, в пример – это, когда ряд здравомыслящих существ, обладая автономными телесными оболочками, имеют единый сверхмозг, в смысле обладают, а не имеют, в смысле, трахают. Именно из его темных глубин они черпают свои сверхзнания и в евоных мрачных глубинах хранят свой скопленный опыт, будто олигархи, кои держат наворованный капитал в надежном швейцарском банке.

В отличие от мелкого, мало мозгующего человечешка, навроде тебя, данные существа менее зависимы от тела и, чаю, способны подключать к единому мозгу различные телесные субстанции, то бишь генерировать разум в любом белковом теле.

Думается, и у нас на Земле есть подобные существа, но их не так уж много, ибо код к заветному сейфу не просто подобрать, для этого нужны *o-go-go* какие способности и изворотливость, не нам чета...

– Неужели есть?

– Ну, ты гонишь! А гении – кто они, по-твоему?.. Откудава они заимствуют свои *сверхзнания*? Подозреваю, что именно они открыли возможность перехода из одного звена цепи к другому, причем совершенно в произвольном направлении как вперед, так и назад.

Петюшка долго разминал свежееукраденную сигарету, как бы выдерживая паузу, дабы его собеседник успел осознать произнесенное, потом также медленно закурил и нехотя продолжил:

– Но наличествует еще более тонкая форма материи – (но я не уверен, что самая высокая) это *БОГИ!* Всемогуши, всеведущи, вездесущи... Наличивается, по моей мысли, по крайней мере, два таких существа...

Одно сеет разумное, доброе, вечное.

Другое все это посеянное изничтожает...

– Единство и борьба противоположностей...

– Откуда ты это знаешь, ты же ни только не любишь думать, но и читать, особенно умные книги.

– Наверное, я подключился к *сверхразуму* и черпаю оттудова *сверхзнания*.

– Не смей мои уши...

– Так что же ты там про противоположности говорил?

– А говорил, что этому сотни примеров: *Каин и Авель, Сет и Осирис, Яго и Мавр, лед и пламень...* Даже *электрон* рождается в паре с *позитроном*. Вот они-то подлинно умеют переходить от одного звена к другому. Вот в пример, если ты палач по природе, то есть человек, который предназначен тебе на заклятие, и, помышляешь ты об этом, не желаешь, но придется его колесовать. У каждого плюса есть минус...

– Так что, по твоему учению, в каждом поколении есть свой *Христос* и *Антихрист*... – удивленно покачал плечами молодой человек, жадно припав к кружке.

– Да, но не всегда они прытко выказывают себя. Вот ты, мо быть, Антихрист, а мо Христос, хотя, чай, как я баял ране, *Вечный Кат*, кой все время мучает и изводит безобидных людей навроде меня, а может *Вечный Ученик*, коего все поучают, а выучить не могут...

– Почему?

– Да при всей своей выпренности, велеречивости и многозначительности, ты, при всей своей сучьей сути, обыкновенное непорочное создание, кое, при внешней расхлябанности и, извини, тупости, в душе – суть *agneц божий*, способный замочить любого...

– С чего это ты взял?

– Я много чего знаю... Я, знамо дело, не гений, но мене, как залатанному юродивому, тоже *сверхзнание* дано...

Загасив сигарету о край столешницы, Алексей вздохнул:

– «Ты, Моцарт, не достоин сам себя...»

– Довольно, сыт я... твоими глупыми расспросами и цитатами, – позевывая, произнес Петюшка. – Лучше попотчуй меня пивком или презентуй «бабки»...

Катин не выдержал, встал и, похлопав Петюшку по плечу, сказал:

– Может ты и прав.

Сунув старику бумажную купюру, молодой человек медленно направился к выходу. И, когда Алексей уже взялся рукой за ручку, за спиной раздался вскрик и шум упавшего со стула тела. Оглянувшись, молодой человек увидел, как на грязном полу в луже пива корчился в страшных муках Петюшка и, схватившись за живот, тщетно глотал широко раскрытым ртом прокуренный воздух. Рядом с ним валялись: старенький с поломанной ножкой стул, разбитая пивная кружка и засаленная авоська, из распахнутой пасти которой торчал облезлый хвост селедки. Громадный официант спешил к Петюшке, размахивая руками, заранее сжатыми в кулаки.

«Вот и замкнулось звено...» – ощерился Катин и, с трудом открыв дверь, вышел на улицу. Он ни чуточки не пожалел умирающего в муках Петюшку, более того, сие бунтарское имя было начисто вымарано из мало извилистого мозга Алексея.

3. Сам себе режиссер

В это же время в другом конце города по направлению к студенческому общежитию пединститута гордо вышагивал тощий, приземистый и хилый юноша с латиноамериканским носом, пухлыми африканскими губами и классической римской лысиной. Звали этого гадкого утенка, который также явно не спешил становиться красавцем лебедем – Константином Обручниковым.

Молодой человек высокомерно вышагивал по изрядно потрескавшемуся асфальту, высоко задрав голову. Дело в том, что он только что закончил монтаж собственного получасового фильма, в котором аудио-визуальная бытовая жизнь фантастическим образом переплелась с иррациональной компьютерной графикой. Обручников потратил два года и уйму средств, чтобы снять этот фильм, смонтировать и записать на DVD-диск. И теперь работа

по созданию фильма закончилась, создателю не терпелось самому посмотреть окончательную редакцию шедевра, и поэтому он так спешил в общагу.

Конечно, можно было прокрутить фильм и в студии, где молодой человек его и смонтировал, но, как истинный художник, Костя хотел насладиться фильмом в гордом одиночестве, чтобы никто ему не мог помешать. Почему-то этот наивный и блаженный во многих отношениях человек решил, что шумная, многонаселенная общага самое подходящее для этого место.

Во истину глаголят, яко гений сиречь сумасшедший – человек не от мира сего. Или мир слишком прост для таких людей, что им в нем очень сложно ужиться, или... впрочем, об этом поразмышляем попозже...

Обручников легко по-мальчишески перепрыгивал через многочисленные лужи, открыто улыбался встречным девушкам и фальшиво насвистывал, почему-то, свадебный марш Мендельсона...

На полпути в общежитие тощий «гений» нежданно-негаданно проголодался и решил зайти в «Пельменную». Вечно голодный студент, экономя на собственном желудке, питался один раз в день; но так как поесть он, все-таки, любил, пришлось искать компромисс между экономией и сытостью. И Константин выбрал пельмени. Три порции слипшихся мяскокомбинатовских пельменей с кислой сметаной, три куска хлеба и жиденький, полусладкий компот – составлявшие его скудный ежедневный рацион – с лихвой восполняли те немногочисленные калории, израсходованные в грызье некалорийного гранита науки и творческие энергопотери, затраченные на создание фильма.

Не смотря на то, что в зале было раз-два и обчелся народу, немолодой мужчина с елейной улыбкой, подсел к жадно уплетающему пельмени студенту, даже не попросив разрешения. Немного поковырявшись в завядшем салате, он отодвинул тарелку в сторону и, брезгливо поддев на вилку разваренный пельмень, сунул его в искривившийся от отвращения рот. Немного пожевав отправленное в рот яство, он аккуратно вытащил несъедобное месиво чайной ложкой, и, отхлебнув глоток мутно-серого чая, непринужденно начал беседу:

– У меня за городом есть небольшой домик, нельзя назвать его дачей, но садом-огородом называть язык не поворачивается... Знаешь, я как-то не любитель ковыряться в земле. Сажать картошку, выращивать в теплице помидоры, я как-то не люблю, это же добровольное рабство. На моей фазенде ничего не растет, кроме аккуратно постриженной травки. В центре я выкопал огромный, бассейн, как в американских видиках, с бетонным дном и вышкой для ныряния, рядом с бассейном небольшая банька. Банька сделана добротнo, по-русски, не люблю я эти, финские сауны, эти потогонялки. Толи дело пропарится в парилке с березовым веничком, а потом в бассейне охладись, и годы с плеч долой. Знаешь, когда из бассейна опять в парилку влезешь, такой слоенный пирог получается, внутри жар, кожа холодная, а вокруг около восьмидесяти, я даже градусник в парилку повесил, для контроля.

Друзья, которые у меня бывают, говорят: «У тебя Юрий Михайлович», – незнакомец протянул руку Константину, – Юрий Михайлович,

– Очень приятно, – пробурчал студент, – Костя.

– Мне тоже приятно, – слащаво улыбнулся мужчина и, не спеша, продолжил. – Друзья говорят: «У тебя, Юрка, не банька – а предбанник в рай». Когда мы с тобой поближе познакомимся, ты по-настоящему поймешь, что такое доподлинная приятность. А езжу я на дачку на тачке. У меня старенькая «Волга», знаешь, такие были, «ГАЗ-21» – зверь, а не машина. Врубишь музыку на всю катушку, несешься по автостраде и предвкушаешь блаженство, да в моей баньке не только членам правительства можно мыться, но и лицам королевских кровей. Эх, Костик, знаешь, а я бы с тобой прокатился бы с ветерком на мою дачку, ты бы познал, что такое настоящая мужская... компания, с горячей банькой да холодным пивком опосля парилки. Это же верх блаженства, откинешься на спинку кресла и кумекаешь, ежели смерть

когда-нибудь коснется меня своим холодным крылом, то хорошо бы в этот момент, когда ты полностью расслаблен, душа еле держится в распаренном теле, дунь и сама отлетит.

Юрий Михайлович, мечтательно закатил глазки и пододвинул свой стул поближе к доедающему пельмени Константину.

– Знаешь, какие у меня на даче угощения, эти говьянные пельмени – не та, пища, которую должен вкушать такой человек, как ты.

– А какой? – смутные подозрения закрались в душу студента, он уже начал подумывать о том, как бы смотать поскорее удочки. «Я, конечно, слышал о педерастах, но мне даже в голову даже не приходило, что одному из „гомиков“ глянется моя костлявая задница...»

– Ну, знаешь, ты конечно не красавец, но есть в тебе какая-то искра божья, талант, он прямо так и выпирает, его не скроешь. Только настоящий мужчина, может по-настоящему оценить красоту другого мужчины. Что могут эти жалкие сучки, погрязшие в разврате?..

– Это вы про кого?

– Про женщин, про это похотливое племя, которые толком ничего не понимают в мужской любви, им нужно только их тело и деньги. А мужчина любит другого мужчину, прежде всего за душу, а физическая близость...

Услышав последние слова, Обручников поперхнулся, и залился румянцем. А разгоряченный Юрий Михайлович страстно продолжал:

– ...физическая близость, это не самое главное в мужских отношениях, прежде всего духовное единение, а уж потом плоть... Ты, знаешь, после баньки тело человека сбрасывает с себя грязь грехов, кровь очищается, прямо видно, как она пульсирует в сонной артерии, так бы прокусил бы и пил, и пил бы...

«Может быть, это вовсе не „голубой“, – с неподдельным ужасом подумал Константин, – может быть, он законспирировавшийся вампир, который под видом гомосексуалиста, заманивает жертвы на дачу, а там выпивает кровь... То-то он говорил про предбанник в рай, конечно, же он – вампир, у меня где-то в кармане есть зубок чеснока, надо сунуть ему под нос, я слышал, они этого боятся, как черт ладана».

Обручников полез в карман за чесноком, вынул его и незаметно положил на тарелку своему таинственному собеседнику. Тот, узрев сие действие, усмехнулся и, кивнув, как бы в знак благодарности, сунул его в рот и разжевал.

Ошарашенный студент попытался улизнуть:

– Знаете, мне пора...

– погоди, я тебя так просто не отпущу, – схватил его за рукав Юрий Михайлович. – Знаешь, Константин, есть люди, которые рождены защищать, а есть, которых надо защищать. У тебя на лбу написано, что тебе нужен сильный покровитель. Если ты не найдешь такого человека, долго на этом свете не проживешь... Ты подумай на досуге, я готов стать для тебя таким человеком.

Мужчина вынул из кармана голубоватую визитку, на которой золотом было вытеснено:

«PIRATE», частное охранное бюро

Юрий Михайлович СЫСЬКО

главный менеджер

ул. Жданова 33 оф. 13 Тел. +7 (193—49) 666—666

Взяв визитку, Константин хотел, было, быстрехонько смыться, но Юрий Михайлович нежно тронул его за ладонь и, взяв ее в свои руки, начал ласково поглаживать.

– Зря ты не хочешь слушать меня, Константин, когда-нибудь ты узнаешь о своем истинном предназначении и ужаснешься, как ужасна твоя планида, как высока плата за твои преступления.

– Да я еще не успел обстоятельно нагрешить.

– В этом воплощение да...

– А что, разве было другое воплощение?

– Конечно, такие, как ты, живут на Земле вечно и вечно умирают в самый не подходящий момент.

– Что-то я не пойму о чем это вы?

– А все о том, что тебе нужен сильный покровитель, который бы защитил тебя от насильственной... – Сысько осекся, но быстро нашелся и уверенно продолжил:

– ...от ударов судьбы...

– Я обдумываю ваше предложение, – ответил Обручников и торопливо засеменял к выходу, думая на ходу: «Чтобы я еще раз в этой „Пельменной“ обедал, черта-с-два, только в столовке, пора переходить на нормальный рацион, фильм я смонтировал, теперь можно не экономить».

Сегодня на вахте дежурила тетя Зина, ангел-хранительница общаги, очень смешная, но добродушная женщина. Маленькая с круглым личиком, немного выпученные глаза которой, никогда не стояли на месте, а то и дело стреляли по сторонам и интенсивно вращались, причем каждый автономно от другого. Перед тетей Зиной стоял негр, настоящий негр, с фиолетовым отливом, и, отчаянно жестикулируя, пытался что-то объяснить глуповатой вахтерше.

– Давай, паспорт и иди к кому хочешь...

Африканец радостно заулыбался, оголив ослепительно белые зубы, вынул какой-то обшарпанный документ в голубой обложке и протянул тете Зине. Та испугано шархнула в сторону, как черт от ладана.

– Положи на стол и иди.

Улыбающийся негр бросил на стол паспорт и весело и, беззаботно посвистывая, побежал вверх по лестнице. Тете Зина открыла ящик стола, вынула оттуда два карандаша и осторожно, как добропорядочная мамаша, коя спичками собирает анализ кала своего чада в банку, карандашами подхватила паспорт и бросила в открытый ящик.

– Слушай, Костик, как я боюсь этого СПИДу, страсть божая...

– Но ведь он передается только половым путем...

– А кто его ведает как, может он и через кожу просочится.

– Ерунда все это, лучше ключ от комнаты дайте.

– Так его уже взяли, там у тебе в комнате, поди, целая шайка-лейка, Сашка опять компашку бухариков привел, видать, пиво сосасывают.

Константин поднялся на третий этаж и медленно с явной неохотой поплелся в конец коридора, в котором и находились комнаты мужской половины, вернее мужского меньшинства общежития. Навстречу ему строем прошли первокурсники, громко горланя бравую солдатскую песню, за плечами у каждого весел игрушечный пластмассовый автомат или винтовка.

От громкого топая дверь в одну из женских комнат отворилась, и взору юноши открылся необыкновенный эротический вид. Сквозь тюль, висевший на карнизе над дверью, можно было разглядеть убогую обстановку студенческой комнаты не лишенную шарма и порядка. Но не это привлекло внимание Обручникова, на ближней к двери кровати спала совершенно нагая девушка, словно Даная, ожидающая своего Зевса. Но эстетического услаждения вид девушки не вызывал, если бы на этом месте лежала любая другая девушка, а не Бабенко Маринка, самая упитанная и невоспитанная леди общежития, самая липучая и трахучая баба во всем институте, готовая переспать с любым и в любом месте. Огромные

складки жира свисали с широкого тела, огромные двухведерные груди лихорадочно трепетали от неровного дыхания девицы. Маринка приоткрыла маленький, крысиный глаз, в три карата, и похотливо заулыбалась.

– Костик, я тебя хочу, прямо сейчас...

Костик опешил, совокупление не входило в его планы, тем паче с Бабенко. Но тут в его голове созрел дерзкий план.

– Обмундируйся, и идем со мной, я тоже вождедею с тобой перепихнуться, но только на моей территории.

Не доходя до двери, Обручников услышал звон стаканов и галдеж спорящих мужиков, несущиеся из-за двери:

– Какой мыслительный, ты чё! Ты подумай, чего ученые до сих пор не могут создать модель мозга?

– Слишком он сложно устроен. Модель его будет колоссальных размеров.

– Мудрилы безмозглые эти твои ученые, они все усложняют. Мозгуют-де мозг нечто мозгующее, в смысле думающее, фигушки, это простой передатчик, как у радиоуправляемой модели.

– А кто же тогда передает сигналы? Господь Бог?!

– Зачем сразу Бог? Есть некий супермозг, который обрабатывает все сигналы идущие от всех земных человек, анализирует и отправляет приказы.

– И де этот мозг находится? – противоречил ему кто-то с очень плохой дикцией.

– Может быть где-нибудь внутри Земли, мы ведь не знаем, что там. Может быть магма – это и есть раскаленные мозги планеты, а может Солнце...

– Дурацкая у тебя теория, по-твоему, ежели рассуждать, человек не сможет жить вдали от Земли и Солнца... Чуть!

Тут вмешался другой пьяный голос:

– А как же животные, они тоже што ли управляются с-под земли?

– По всем видимостям.

– Да они твари неразумные...

– Ну, нет, – вмешался Сашкин голос, – животные еще умнее нас, просто не хотят показывать нам свой интеллект. А, может быть, мы думаем совсем не так, как они, поэтому и не можем их понять...

– Плюнь на это, Санек, да сходи лучше к девкам за колбасой, а то закусывать нечем, вобла кончилась...

Обручников даже не успел ничего сообразить, как дверь распахнулась, и из комнаты вывалился чуть тепленький Александр, сосед по комнате.

– О какие люди. Ты чего это?.. – заплетающимся языком произнес Саша. – Сексом стали заниматься даже самые высокоинтеллигентные члены нашего маленького мужского коллектива.

Юноша повернулся в комнату и зычно скомандовал:

– Рота в ружье, освободить сексодром для Костика, у него сегодня большие маневры с вытекающими последствиями... Да, Костик, – обратился к соседу Александр, порывшись в нагрудном кармане рубахи и извлек пачку презервативов, – вот тебе средство индивидуальной защиты, а то с этой Маринкой нужно держать ухо востро, а член в резине. Одному богу известно, сколько мужиков потонули в ее бермудском треугольнике.

Выходя из комнаты, ребята громко смеялись, поглядывая то на смущенного Костика, то на разомлевшую Маринку.

– Идем, ко мне, – предложил Вовка Напалкин из 329 комнаты, – здесь нам ловить нечего...

– Кроме триппера... – пошутил Сашка, и, громко гогоча, вся толпа весело ломанулась в 329 комнату.

– Ну, проходи, – Обручников жестом предложил девушке? пройти в комнату...

...быстро вставил дрожащими руками диск в DVD-плеер и, не снимая обуви, завалился на кровать, держа в руках пульт дистанционного управления.

Внутри плеера заурчал какой-то механизм, и вот уже быстро и незаметно замелькали на экране ничего не обещающие титры...

– Ты что разогревать меня собрался порнушкой? – поинтересовалась Бабенко.

Константин вздрогнул от неожиданности и нажал клавишу «Pause», дело в том, что он совсем забыл про шлюшку, кою он привел к себе в комнату.

– Во-первых, это не порнушка, во-вторых, чего тебе здесь надо?

– Ты же меня сам сюда привел, чтобы...

– ...чтобы выпроводить из комнаты эту пьяную шатию-братию, – грубо перебил девицу Константин. – А теперь проваливай... Хотя нет, давай немного поговорим, раз уж пришла. Мой друг Алексей Катин любит общаться с такими отбросами, как ты. Думаю, ему было бы интересно послушать твои откровения.

– Ну, так приведи его ко мне...

– Делать мне нечего, только сводить два конца, вернее конец и... – Константин засмеялся и достал из кармана пачку сигарет. – Покурим?

– Давай... – оживилась девушка.

– А ты еще и куришь?

– А что нельзя?

– Нет, почему же... – усмехнулся юноша, протягивая сигарету. – Ты мне только объясни, зачем тебе все это, неужели тебе нравится эта развратная жизнь?

– А тебе разве не нравится? – вопросом на вопрос ответила Маринка.

– А я этим не занимаюсь.

– Как неужели ты еще не разу ни с кем...

– А у меня еще и не было желания. Знаешь, ученые Университета Северной Каролины, исследуя проблемы обретения раннего сексуального опыта у подростков, пришли к выводу, что отягченные интеллектом подростки не имели сексуальных отношений в раннем возрасте. А студенты, которые в большой дружбе с головой и имеют далеко идущие планы на счет будущего, не стремятся к сексуальным забавам. Опыт показывает, что интеллект действует, как защитный фактор от ранней сексуальности, поскольку мозг имеет способность самостоятельно определять правильный возраст, когда человеку стоит начинать занятия сексом.

– Фу, какой ты скучный, дурачок ты, Костик, и ни фига не разбираешься в сексе, как свинья в апельсинах.

– Можно подумать, ты разбираешься... готова с кем угодно, где угодно и когда угодно... Убогий ты человек, Бабенко.

– Да не убожее тебя. Пройдет время, и не о чем тебе будет вспомнить, что хорошего у тебя было в студенческие годы, кроме учебы?

– Так, милая моя, я в институт поступил, чтобы учиться, а не трахаться...

– Вот, вот, кстати, как насчет потрахаться?

– Счас как трахну по калгану, мало не покажется.

Девушка недовольно надула губки, взяла со стола пару полупустых бутылок с пивом, неспешно продефилировала к выходу. А Обручников прямо в ботинках завалился на смятую постель и начал просматривать свой киношедевр.

Камера медленно ведет зрителя по узкой тропинке, плутающей между пышных осенних березок, непревзойденных красавиц русского леса. Медленно, не поднимая объектива к облакам, камера движется вверх по склону невысокого, почти лысого холма, постоянно увеличивая скорость. Вот уже деревья мелькают как при ускоренном просмотре. Камера неожиданно отрывается от земли, и ничего непонимающий зритель, по замыслу Константина Обручникова, невидимого и пока никем неведомого полусумасшедшего режиссера, парит над осенним, багрово-желтым лесом, планирует над лесным озером с черно-золотистой болотной водой и резко взмывает вверх прямо к облакам.

Пробив толстый слой кучеряво-серых облаков, камера ведет ошарашенного зрителя все выше и выше к звездам. Свет становится более мрачным, и скоро делается совсем черно и беспросветно. Только яркие ночные светила, мелким бисером украшающие бархатное покрывало ночного неба, слегка мерцают, пытаясь разогнать вечный, космический мрак. Вдруг эффектная яркая вспышка света ослепляет несуществующего телеоператора. Он роняет видеокамеру, и она, кувыркаясь и вращаясь, начинает свое неминуемое падение на покинутую землю. Камера стремительно падает, успевая передавать странные и жуткие моменты падения, пока не разбивается об огромный валун, одиноко возвышающийся на обочине какой-то старой, заброшенной дороги. Раздается громкий треск, и все неспешно погружается во тьму.

Полминуты ничего не видно, только слышны отдельные хлюпающие звуки и какой-то костный хруст. Потом медленно освещенность начинает расти. И через минуту зритель видит огромную, хорошо освещенную операционную комнату. Вокруг смертельно больного юноши стоят врачи и медсестры с масками на лицах. А один из них громко и безнадежно констатирует: «He's dead!»

Внезапно для всех из разверстой груди покойного вырывается сноп интенсивного света. От неожиданности люди в белых халатах отступают к стене, а некоторые прикрывают глаза дрожащей рукой, настолько ослепителен и необычен вырвавшийся на свободу душевный свет.

Небольшой, пульсирующий розовый шар выходит из кровоточащей раны и на некоторое время зависает над операционным столом, как бы оценивая ситуацию или сканируя изображение. После этого шар медленно двигается по направлению к огромному окну, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах. Достигнув окна, этот необычайный летающий объект, будто обреченная птица, выпорхнувшая из незапертой хозяином клетки, начинает тщетно биться о толстое оконное стекло.

В это время в операционную, грубо оттолкнув огромного охранника, врывается хрупкая, длинноногая блондинка с ангельским личиком в свободном белом платье. Ее длинные, белокурые волосы, покрытые легким, прозрачным покрывалом, золотым водопадом ниспадают на хрупкие плечи. Удивительно правильные черты лица, украшают открытая, задумчивая улыбка. Она бросается к операционному столу, падает на грудь умершему и бьется в страшных рыданиях, нервно трепещет всем телом. Огненный шар прекращает безрезультатные попытки вырваться на свободу и возвращается к ненавистному столу.

В тот момент, когда нежные уста красавицы трепетно касается посиневших губ усопшего, шар с огромной скоростью пикирует в рассеченную невозмутимым хирургом грудь. Рана мгновенно затягивается, и юноша, с трудом приоткрыв тяжеловесные веки, хрипло произносит: «Oh! Darling...» и теряет драгоценное сознание...

Константин снова нажал на паузу, взял со стола недопитую бутылочку пива. Скинув тесные ботинки, он сделал пару жадных глотков и...

4. Кошмар с продолжением...

Алексей увидел свои мысли со стороны. Это было омерзительно и жутко... клубок разномастных червей копошился в навозной куче его черепной коробки. Разобраться в этом скоплении разноцветных, разнозапахи и разновеликих мыслей было не под силу даже божественному сверхсознанию.

Мысли-черви извивались, сцеплялись между собой и снова расплзались в стороны, чтобы через мгновение слиться, спутаться, завязаться в тугой Гордиев узел.

И вот от кучи отделилась одна маленькая мысль. Золотистой, светящейся змейкой она скользнула во тьму и исчезла. Алексей поспешил за ней, ничего не зная и не понимая, как в каком-то сомнамбулическом бреду. Ему казалось, что если он догонит ускользающую мысль, то однообразная, скупая на значительные события будничная жизнь наполнится каким-то, еще неведомым никому содержанием и обретет столь желаемый смысл.

Следуя за мерцающей во тьме, неясной мыслью, Катин, вскоре, очутился в каком-то низком подвале, пропахшем смрадной гнилью и прелой сыростью. Мысль скользнула в узенькую щель приоткрытой двери и растворилась во мраке. Алексей приник к щели, и его взору предстала маленькая комната с квадратным зарешеченным оконцем под самым потолком. Скорее всего, это была монашеская келья, о чем говорили: маленькая иконка Христа-спасителя в углу и странный человек в монашеском одеянии. Хотя, комнатка, с тем же успехом, могла бы быть и одиночной камерой каторжного каземата.

Молодой инок сидел на краю узкой деревянной кровати, склонившись над качающимся столиком, по всей поверхности которого были расставлены в беспорядке баночки с красками и лежали всевозможных размеров кисти. В мерцающем свете маленькой свечи юноша с редкой рыжеватой бородкой что-то писал небольшой кистью на небольшой доске красного дерева.

Катин приблизился к монаху, чтобы рассмотреть, что именно рисует этот необычный человек. На золотистом фоне доски была изображена красивая девушка с ангельским личиком в свободном белом платье. Красавица стояла на коленях перед иконой божьей матери, держа молитвенно сложенные руки на уровне головы. Ее длинные, белокурые волосы, покрытые легким, прозрачным покрывалом, золотым водопадом ниспадали на хрупкие плечи. Удивительно правильные черты лица, украшала открытая, задумчивая улыбка. До завершенности холста не хватало только глаз. Вместо них на доске были не прописанные немного узковатые, обрамленные длинными ресницами лазурные пятна.

Но отсутствие глаз несколько не преуменьшало обаяния изображенной девушки. Всемогущая человеческая фантазия за художника дополняла образ красавицы сияющими голубыми глазами, переполненными любовью и верой.

Монах тщательно выписывал мельчайшие складки на одежде девушки. Братся за глаза он не собирался, возможно, он еще не до конца представлял их себе, и поэтому боялся малейшей неточностью испортить начатую икону.

Темно-карие очи художника выражали сосредоточенность и муку. Он то и дело кусал, и без того, искусанные губы и морщил высокий лоб.

Атлетической фигуре монаха совсем не подходили черные монашеские одежды. Его натренированное тело гораздо лучше бы смотрелось на боевом коне, облаченное в боевые доспехи. Маленькая беличья кисть в крупных, жилистых руках казалась легким перышком. Таковскому богатырю надо махать палицей на поле брани, а не выписывать лики святых в темной и душной келье. Но судьба распорядилась по-своему. И еще неизвестно, смог ли бы этот переполненный здоровьем и силой человек стать искусным воином, но то, что он бы даровитым художником говорил каждый мазок на недописанной картине.

Алексей с восторгом следил за точными движениями юноши, который, казалось, не замечал его присутствия. Очевидно, это было действительно так. Катин умом понимал, что все происходящее с ним, не более чем причудливый сон. Но сердцем и душой он не хотел и не стремился принимать это.

Кто-то грубо оттолкнул Катина, дверь кельи с шумом распахнулась, и в помещение ворвались несколько рослых монахов. Один из них (скорее всего старший) высокий и седобородый мужчина резко выхватил из рук юноши доску и простуженным, хриплым голосом повелел остальным:

– Вязать дерзкого...

Алексей, войдя вовнутрь, попытался вмешаться, но седобородый, ничего не замечая, прошел сквозь него и направился к выходу. Следом за ним повели сопротивляющегося юношу. Катин быстро пришел в себя и поспешил вслед за монахами. Когда же он выбежал из кельи – в узком, слабо освещенном коридоре уже никого не было.

«Где же мне их искать?» – помыслил Алексей. И тут из тени и промозглости появилась забытая им мысль и, проскользнув меж ног, поползла вправо по коридору. Юноше ничего не оставалось делать, как следовать за своей путеводной мыслью, светящейся змейкой освещающей ему путь.

Чем ближе подходил Катин к цели, тем ясней слышались голоса. И вскоре перед ним распахнула свои двери огромная зала, в центре которой возвышался громоздкий, неудобный дубовый стол. За столом восседал обрюзгший, с неухоженной, серенькой бородёнкой пожилой монах. Его большие, болотистого цвета глаза пылали ненавистью и презрением.

– Яко ты, Савва, самый благовоспитанный инок монастыря, удосужился намалевать на доске, предопределенной для написания ликов святых, сею распутную дочь, таяжде дьяволицу в облике человечьем? Кто уподобил ты заняться сим распутным деянием? Кто совратил ты со стези истиной? Ответствуй! – горланил, захлебываясь слюной и злобой, раскрасневшийся игумен, размахивая короткими, толстыми и грубыми, как полена, руками.

– И токмо не тщишь уверить нас, яко греховная мысль: осквернить сею доску... – игумен потряс отнятым у юноши недописанным портретом и смачно сплюнул на пол, – ...припожаловала в твою ясную главу. Кто оболестил ты, наименуй?

Юноша упорно молчал, что еще сильнее разозлило старика.

– Исаак, подь сюда.

Из темноты от черной стены отделилась маленькая, неказистая фигура Исаака. Непонятного возраста монах, хромая на левую ногу, подошел к игумену. Но, не успев сказать не единого слова, он надрывно закашлялся, закатывая глаза и хватаясь за воздух тонкими, как плети, паучьими руками. Повернувшись к Савве, Исаак ухмыльнулся и закашлялся вновь. Сухой, продолжительный кашель был больше похож на самодовольный и презрительный смех.

Катин понял, что именно Исаак предал художника. Похоже, и Савва понимал это, но ничего не мог сделать, его руки, по-прежнему, были крепко связаны за спиной.

– Руби!

Исаак перекрестился и, вынув из-за пояса топор, прямо на столе начал крошить в щепу раскрашенную масляными красками доску.

– Осторожней, bestия! Тако ты мне, не равён час, всю столешницу попортишь... Ужо, довольно, довольно, да угомонись ты, ирод. Вот разошелся-то...

Исаак смахнул на пол щепки, обломки, в общем, все, что осталось от доски, отер пот и, громко закашлявшись, словно захохотав, шагнул в темный угол и исчез, растворившись в беспроглядной темноте.

Алексей бросил взгляд на Савву. Два дюжих монаха едва сдерживали юношу, по щекам которого текли крупные слезы. Но он, опять-таки, не произнес ни единого слова, только что-то мычал и постанывал. И тут Катин осознал, что этот рыжебородый монах, художник был

немым. Ему стало больно и страшно обидно за свою беспомощность. Вмешаться он не мог и, наверное, не имел право. Происходящее – это только сон, но слишком жестокий и поэтому слишком похожий на явь.

– Ладненько... – посмеиваясь, прошипел игумен. – Чаю, ты не жаждешь, яко да все окончилось подобру – *темже* обретай по-худому. Али ты запомнил, кто отхватил у тя окаянный язык? Ежели не укажешь нам своих сотоварищей, утратишь и зенки.

– Ы-ыы, ы-ыы...

Юноша тщетно попытался вырваться, но вскоре силы оставили его, и он беспомощно повис на руках своих мучителей.

– На станок евоного, – приказал игумен.

Двое мужчин потащили обмякшее тело художника к странному сооружению в углу залы. Привязав, юношу к скамье, седобородый монах зажал его голову в деревянные тиски.

– Подивимся, яко ты замычишь, внегда твоя глава расколется на куски, ежели допрежде вежды твои на чело не повылазюють. Приступай, Петр.

Седобородый, кряхтя и раскачиваясь, будто нехотя, подошел к станку и начал, потихоньку, крутить ручку тисков. Савва вскрикнул и опять замычал.

– Ну, яко ты? Будешь упорствовать? Ладненько... Пробавляй, Петр, да с промедлением, поне поболее помучается, допрежде испустит дух... Пусть ведает, как препятствовать божественной воли. Неча своих сожигательниц на досках малевать, да Великого Инквизитора конфужить да жалобить...

Алексей проснулся, как говорится, в холодном поту. Он долго лежал на спине, тшась постичь узренное виденье. Впервые в жизни он видел такой колоритный, живописный сон. Раньше ему, стыдно признаться, снились все больше толстозадые девки деревенские с большими сиськами, кои пытались его совратить и затащить на сеновал. Но он всячески упирался, орал благим матом. Все эти ночные кошмары заканчивались головной болью, промокшей от пота майкой и серыми следами ночных поллюций на смятой простыне.

Но сегодняшней сон не был похож на перепутанные фантазии сексуально озабоченного юнца, слишком все закручено, как в хорошем голливудском блокбастере. Алексея смутило не то, что ему, обделенному природной фантазией человеку, пригрезился такой мудреный сон, а то, что сон нес какую-то информацию, кою он в силу опять-таки своей ограниченности не мог переварить и осмыслить.

«Почему я такой тупой, – подумалось Алексею, – вроде силой Бог меня не обделил, умею рисовать, причем неплохо, думаю, что все-таки поступлю в художественное училище, чего мне это не стоило. Если б не треклятое сочинение, в котором я удосужился сделать шестнадцать ошибок... И, вообще, зачем художнику уметь грамотно писать и изъясняться, главное уметь красиво писать на холсте и на бумаге. Дурацкие у нас правила приема в ВУЗы».

Молодой человек попытался заснуть снова, так как было еще слишком рано, чтобы вставать и слишком поздно, чтобы можно было вернуть утраченное, то есть спокойствие духа и расслабленность. Но как не старался Катин, сон не хотел его брать. Крылатый сын Гипноса, бог Морфей унесся в недостижимую высь и не собирался больше возвращаться.

Катин поворочался, поворочался и решил встать. Но когда он резко вскочил с кровати, чтобы по многолетней привычки приземлиться сразу на обе ноги, в голове помутилось, и Алексей упал как подстреленный прямо на грязный пол...

5. Два мира, два влюбленных создания

...потянувшись, Константин встал, извлек из обшарпанной тумбочки, стоящей у окна пачку сигарет с фильтром, вскрыл и вынул одну сигаретку. Закурив, Обручников, подошел

к окну. За окном на еще не просохшем после недавнего дождя стадионе гоняли мяч африканские студенты индустриально-педагогического техникума, что-то крича друг другу на своем потешном языке, вставляя непечатные русские словечки.

– Велик и могуч русский язык, – произнес с усмешкой Константин и, загасив едва раскуренную сигарету, бухнулся на кровать и продолжил просмотр фильма...

Юноша и девушка, силой своей страсти вернувшая последнего к жизни, бредут по длинной дороге. Впереди них восходит солнце, расцветают цветы, огромным, пестрым ковром ложась к их ногам. За их спиной цветы отцветают, жухнут и превращаются во прах, все рушится, гибнет, красноватое заходящее солнце медленно гаснет, скрываясь за стволами сухих деревьев.

Два солнца: восходящее и заходящее;

Два мира: рождающийся и умирающий;

Два милых создания на еле очерченной границе между двумя крайностями, два любящих сердца в хрупких грудях, слабо защищенных от ударов немилосердной судьбы.

Влюбленные идут, восход сменяется закатом, цветенье – тлением, безначальная жизнь сменяется бесконечной смертью...

Неожиданно земля уходит из-под ног юноши и девушки, и они медленно падают в разверстую звездную бездну, совсем не ведая никакого страха, по крайней мере, на их улыбающихся лицах не видно и тени смущения, смятения и сомнения...

Падая в бездну, юноша и девушка вертятся в разные стороны, попеременно трансформируюсь во все возможные живые и неживые предметы. Звучит неестественная, малопонятная, заставляющая стынуть крови в жилах космическая музыка...

И вот внизу видна большая полянка, заросшая какими-то странными, совсем неземными деревьями и цветами четкой геометрической формы. Кубические бутоны изумрудных цветов на тонких треугольно-призматических голубых стеблях нервно вздрагивают и покачиваются от слабого дуновения серебристо звучащего ветра.

Влюбленные неторопливо опускаются на фиолетовую шаровидную траву и превращаются в две ярко-красных резко пульсирующих, полупрозрачных пирамиды одинакового объема, в туманном чреве коих бьются в такт ярко синие шестиугольные, как звезда Давида, влюбленные сердца. Нечеловеческая музыка неведомого композитора приумножает тревожные переливы и резко обрывается на затакте...

Константин остановил плеер и закурил новую сигарету... Дым медленно заполнил комнату, будто едкий Лондонский смог. Стало темно и безвозвратно одиноко. Обручников, смутно понимая, что творится, в отчаянье цепляясь за песчинки нелепой действительности, вынужденно погрузился в липкий и дурно пахнущий сон, едва успев на излете меркнувшего сознания погасить зажженную сигарету о проржавевшую душку казенной кровати...

6. Поединок с телефонным аппаратом

Шатаясь и держась за хлипкие перила, Алексей Катин медленно спустился вниз по узким и скользким ступеням лестницы. С каждым отчаянным шагом боль, сжимающая сидящие виски, становилась все тише и глуше. И, когда молодой человек безнадежно достиг загаженной площадки первого этажа, боль совсем улетучилась, только в голове немного шумело, как после глубокого похмельного шторма.

Поприветствовав дежурного, молодой человек, вразвалочку (*по крайней мере, так показалось приветствуемому*) вышел из общежития и направился к ближайшей телефонному аппарату...

– Алло, «Скорая» слушает.

– Барышня, я, кажется, сошел с ума, мне снятся красочные кошмары, и страшно болит голова...

– Шли бы вы молодой человек на... на прием к психиатру, и не морочили мне голову всякой ерундой... – прошипела женским голосом телефонная трубка, и короткие гудки ворвались в уши, отрезвив и вернув Алексея на грешную землю.

Катин немного постоял в будке, тщетно пытаясь осмыслить происходящее, но в голове было пусто, как на огромном стадионе во всепогружающее ненастье. Повесив ненужную трубку, молодой человек безотчетно направился в запущенный соседний сквер.

Одуревшие от осенней свистопляски великодушные деревья, не скупясь, бросали под ноги редких прохожих золотые и медные монеты совершенно ненужных никому жухлых листьев. Осеннее солнце все еще, по привычке, струило людям квелое тепло и жиденький свет, но, несмотря на эти излияния, было замогильно прохладно и по-кладбищенски неуютно.

На громогласной детской площадке недужного сквера беззаботно резвились отвязанные малыши. Их любящие мамы, сидя на скамейках, мирно беседовали друг с другом либо читали дежурную книгу, бдительно следя за каждым шагом своего чада, при этом утомленные повседневными заботами женщины периодически тяжело вздыхали, взирая на беспокойные детские игры и неугомонную беготню.

Только одна скамейка в сумрачной глубине сквера была бессмысленно пуста. Алексей удобно уселся на разбитую возрастом скамью, вытянул ноги и, раскинув руки, запрокинул отяжелевшую от нахлынувших потрясений голову. Прямо над ним высоко в небе плыли белоснежные, бесплотные облака. Они были похожи на больших, белых птиц, бог весть каким ветром занесенные в эту серую жизнь.

«А может это ангелы? – подумал молодой человек и бессмысленно прикрыл глаза. Картины лихо закрученного сновидения одна за другой возникали у него в непонимающем мозгу, освежая в памяти с трудом пережитые переживания. – Все происходящее во сне было настолько мерзким и жестоким, чтобы называться рядовым видением. Что-то здесь нечисто...

Фу, как жарко, будто в сталеплавильном цеху. Какого черта, я вчера туда таскался с проверкой пожарной безопасности. Делать мне было нечего, как по подвалам и фермам лазить, как я только не свалился в котел с раскаленным металлом... Да и этот сопровождающий, как он мне надоел со своим брюзжанием и критикой правительства... Кстати, Костиком его завали, как Обручникова...

Во, а не позвонить ли мне Обручникову – он у нас большой психолог, ПИД... дагог, мать его... может, он растолкует, что к чему?»

Пошарив по засаленным карманам, Катин извлек гнутый, почерневший от времени жетон и поспешил к ближайшему телефонному аппарату. В двух будках были оборваны трубки, в третьей поломан диск. Алексей вернулся к аппарату, по каковому совсем недавно звонил в «Скорую», но онный сразу же после набора номера, заглотнул жетончик и самодовольно заурчал.

«...твою мать. Разве это жизнь! – дал волю своим накалившимся эмоциям Алексей. – Полгорода надо обежать, прежде чем куда-нибудь дозвонишься. Быстрее пешком дочапая к Константину в общагу, чем отыскать в этом некоммутативном городище, хотя бы один, исправный аппарат, с первой же полочки покупаю мобильник...»

Подобрав с земли полубогоревшую спичку, Катин решил воспользоваться старым, проверенным способом. Едва аппарат заурчал в ожидании очередного жертвоприношения, Алексей сунул в его ненасытную глотку остро отточенную спичку, и телефон, потрескивая и недовольно хрипя, соединил его со вторым общежитием пединститута...

7. Случай в сталеплавильном цеху

После окончания лекции, Константин спустился в холл и собрался уже направиться в подвал в раздевалку, дабы безотлагательно покинуть стены сего образовательного заведения, как столкнулся лбом в лоб с Пашкой Веселкиным.

Павел работал шофером-экспедитором при институтской АХЧ, а жил в той же общаге, что и Константин. Это был небольшого роста, как и Костя, молодой человек с большой, как у гидроцефала, головой и подслеповатыми, беспардонными глазами, которые он прятал под толстыми линзами очков. При всей его неказистости и безобразности, Веселкин обладал большим мужским достоинством, нет, не тем, что скрывается от любопытных глаз в широких штанинах, хотя и это тоже было завидных габаритов, но главное – Пашка обладал необычайным даром красноречия и убеждения. Он мог заговорить зубы любой представительнице прекрасного пола. Видели бы вы, какие куколки-прелестницы перебивали в его искусственных, натерлых, волосатых руках.

– Привет, Костя, ты случайно не свободен сегодня вечером? – крепко пожимая руку, полюбопытствовал Павел.

– А что, ты хочешь предложить мне выпивку и девочек? – радостно осклабился Обручников, никогда еще не вкушавший ни то и ни другое.

– Нет, я предлагаю тебе съездить со мной на лакокрасочное предприятие для получения краски...

– А что я буду с этого иметь?

– Я тебя бесплатно покормлю в рабочей столовке... – предложил вечно голодному студенту выгодную сделку Павел. Он знал подход не только к одним женщинам, но и к представителям других сексуальных большинств и меньшинств, иначе он бы не был Пашкой Веселкиным. – На ключи, иди в мою машину, посиди там подожди чуток, я пока накладные в АХЧ возьму.

Пашка неоправданно долго задерживался.

«Наверное, опять тискает кого-нибудь в институтском подвале, прямо не шофер, а какой-то мастер скоростной секс-проходки...» – подумал Константин и, чтобы как-то занять себя, начал почитать мятую заводскую газетенку «ЗА МЕТАЛЛ», валявшуюся на изрядно протертом и сильно продавленном заднем сидении служебного автомобиля.

«...несчастный случай произошел вчера в сталеплавильном цехе нашего комбината. Двадцатилетний сталевар Константин А. бросился в котел с расплавленной сталью. Что заставило молодого, пышущего здоровьем юношу таким страшным образом свести счеты со своей жизнью?»

Мы провели независимое журналистское расследование, и вот какие факты мне удалось вскрыть отточенным моим пером...

Общежитие, в котором последние полгода жительствовавший Константин, после окончания технического училища, пользуется в округе недоброй славой. Месяца два ранее там был забит своими пьяными собутыльниками до смерти молодой человек, тоже Константин. Свидетельствуют, что они не поделили какую-то длинноногую брюнетку или шатенку. Избив паренька, горе-приятели выбросили его с балкона 5 этажа, а сами продолжили возлияния, напрочь забыв про девушку, из-за которой и разгорелся весь сыр бор.

Утром, протрезвев, подельщики сего изуверского побоища никак не могли вспомнить, ни только как выглядит сия таинственная возмутительница их покоя, но и как ее зовут-величают.

Покончивший собой сталевар Константин А. тоже принимал участие в этой вакханалии, но, как подтверждают свидетели, удалился спать, задолго до того, как вспыхнул конфликт.

Так ли это было на самом деле, теперь не узнает уже никто, ибо приятели Константина обживают тюремные нары в сибирской колонии строго режима, а бранные останки юноши обрели покой на Левобережном городском кладбище.

Следователь Марк Лазоревич Хатрейн, которому поручено расследование факта гибели сталевара, предполагает, что это был отнюдь не несчастный случай, но в интересах следствия, он не стал разглашать имеющиеся у него веские доказательства его предположений.

А вот очевидцы, а их, кстати, предостаточно, в один голос утверждают, что это было не заурядное самоубийство; Константина А., скорее всего, к этому кто-то подтолкнул. По одним показаниям опрошенных мною свидетелей, что юноша некоторое время встречался с длинноногой блондинкой, по другим с невысокой шатенкой.

Не все та ли это загадочная незнакомка, ставшая виновницей трагедии в рабочем общении? Более того, в день гибели, по словам все тех же свидетелей, сталевар Константин А. приводил какую-то девушку в цех, чтобы показать ей место своей работы, представив ее мастеру как собственную сестру. Но из анкетных данных явственно видно, что никаких родственниц по женской линии, а тем более сестер у покойного, отродясь, не бывало.

Капитан Хатрейн обещал в ближайшее время обнародовать результаты следствия. Так что, будем внимательно следить за расследованием и ждать появления новых сведений по данному происшествию, которые должны пролить свет на случившиеся в течение двух календарных месяцев странные смерти...»

– Ну что, ты еще не заснул тут? – спросил подошедший раскрасневшийся и возбужденный Павел.

– Что опять кого-нибудь окучивал в подвале?

– Да ты что? – усмехнулся Веселкин. – Все по этажам носился, пока все нужные подписи и печати собрал... Что ты там читаешь?

– Да, вот какую-то криминальную галиматью...

– Это, не галиматья, – сказал, усаживаясь в водительское кресло, Павел, – чуешь, в городе завелась серийная душегубка и порешает одних Константинов, так что берегись, и ночь к девкам один не бегай, лучше меня приглашай, я тебе помогу...

– Чем? Языком, если только...

– Знаешь, язык это сильное средство и не только в общении, – Пашка высунул длинный пупырчатый язык и стал им быстро ворчать из стороны в сторону, – знаешь, как девок возбуждает...

– Паша, ты, видать, совсем на сексе тронулся.

– Сейчас, заведу двигатель, и тронемся...

Глава II. Наука о контактах

1. Контакт? Нет контакта...

– Приветствую тебя, о, мой сладкоголосый повелитель, слющаю и повинуюсь... – раздался из глубины трубки, как из загробного мира, прохладный голос стебающегося Константина. – Извините за задержку, но я изволил опочивать, только благодаря тому, что берегиня тетя Зина осмелилась поднять меня прямо с сладосонного одра... Короче, Склифосовский, что у тебя опять стряслось?

– Да, тут, понимаешь, одно сновидение меня озадачило, просто не сон, а триллер какой-то.

– Ты же знаешь, что я – не Иосиф-толкователь снов. Сказал бы просто, что у тебя очередной выходной и тебе нечем заняться, а то выдумал *триллер-киллер-катерпиллер*.

– Может ты отчасти и прав, но мне действительно нужно с кем-нибудь поговорить, а так как выбор пристойных собеседников не велик, придется довольствоваться твоим неприличным обществом.

– Ладно, черт языкастый, уломал, я всегда удивлялся твоей способности умно строить фразу при полном отсутствии ума... Если тебя моя характеристика не смутила, давай где-нибудь встретимся...

В это время трубка заурчала, закашлялась и вместо голоса Обручникова выдала чей-то посторонний, потусторонний разговор:

– ...ала она меня, бляха муха. Не баба – а черт в юбке. Уже, хай три месяца, вона мене мозги компостирует. Харэ, сёдня же ее замочу... – ругался в трубке чей-то глухой, с хрипотцой голос.

Ему возражал тягучий, невнятный и картавый бас:

– Ша! Ты шо, Коська, гхехнулся шо ли? Тебя же посодют. Плюнь ты на ниё. Шо ли у тя дугих забот мало?

– А мне теперича до фени, все кранты, не хочу я, штоп Анжелика угодила в другие лапы. Ладно, ежли енто будет така жа падла, как и она. А ежли... Нет, братан, лучше я еще одну ходку на зону сделаю, чем кто-то из-за этой суки мучаться будет.

– Ты шо, Костик! Тоже минэ Хгистос-спаситель. Кому нужна твоя жегтва? Ты уже свое в малолетке отмотал.

Говорящий закашлялся, этот сухой и продолжительный кашель, похожий на самодовольный и презрительный смех, Катину показался очень знакомым и неприятным...

Глухой голос продолжал:

– Мне! Таких шлюх надо вешать на фонарных столбах...

В трубке раздался громкий треск, но в этом треске и шуме Алексей сумел разобрать несколько слов.

– ... во вторник в 12 ... да, да... в Парке победы у танка...

Треск прекратился, и Катин услышал возмущенный, но, на этот раз, голос Кости Обручникова:

– Ты куда запропастился?

– Какие-то помехи... Костя, ты сейчас ничего не слышал?

– Треск, шум и все... А что, был контакт с кралей из интимных услуг, ты, чай, там, раз пять кончил, покуда дослушал до конца?

– Полно валять дурака, я тебя серьезно спрашиваю...

– А... – продолжил дурачиться Константин, не помышляя о том, что Алексею сейчас не до шуток. – У тебя был контакт с инопланетным разумом, и что?.. скоро Конец Света?

– Слушай, Костя, ты меня достал, ты когда-нибудь бываешь серьезным? Лучше я тебе попозже позвоню...

– Что у тебя там опять?

В ответ Константин услышал только короткие гудки и вьедливый треск. Обручников пожал плечами и, обратившись к тете Зине, обронил:

– Если еще будет звонить этот сумасшедший пожарник, скажите, что я отправился в цирк.

– Почему в цирк-то? – прищурившись, заулыбалась, подслеповатая вахтерша.

– Да там, если шутят, то иногда бывает смешно...

Костя повернулся и, прикрыв узкой ладонью зевающую пасть (*ибо слово «рот» звучало бы слишком уменьшительно и ласкательно*), направился в свою комнату досматривать прерванный на самом интересном месте сон, красочный и сюрреалистический, как и созданный гением Обручникова короткометражный любительский телефильм.

Но по пути в комнату ему встретилась Люська, просто Люська, просто Алексей не знал ее фамилии, да и вообще ее очень мало знал, и, признаться, не больно-то хотел с ней встречаться. Тем более, что ходили слухи, что Люська замужем за каким-то крутым каратистом, который сейчас башляет в Америке, а она пока живет в общежитии. Но, как только ее мил друг зарабатывает приличную сумму, они приобретут квартиру и заживут... Впрочем, это все не более, чем сплетни, хотя они наверно были не без основания, поскольку Люська жила в отдельной комнате и имела приличные «бабки», чтобы жить припеваючи.

– Костя, а, правда, говорят, что у маленьких мужиков большие члены? – спросила Люська, притянув Константина за торчащий конец ремня.

Обручников даже лишился дара речи от неожиданности, во-первых, еще ни одна девушка не разговаривала с ним так откровенно, и еще ни одна девушка не стояла так близко к нему.

– А ты, наверное, еще девственник, чего шары выкатил, что ли вопроса не понял? – засмеялась Люся, полюбив юношу за талию. Обручников чуть не потерял сознание, но вскоре нашел в себе силы и ответил хриплым голосом:

– Не знаю...

– А у тебя большой?

– Это зависит от твоих мерок...

– Ну, пядь будет?

– Пять сантиметров?

– Не пять, а пядь, расстояние от указательного до большого пальцев. А? – осклабилась девушка, и погладила его спереди по шершавой ткани джинсов. – Сейчас измерим...

– Прямо здесь? – испугался Костя.

– Ты прав, пойдём ко мне в комнату. Не бойся, я тебе заплачу за доставленное удовольствие, если, конечно, ты сумеешь мне его доставить...

Люся наблюдала, как Костя нерешительно расстегивал молнию на своих брюках, руки дрожали и не слушались его. Твердый член сильно выпячивался через ткань его синих джинсов, демонстрируя сильное возбуждение юноши. Обручников невольно улыбнулся, увидев, как девушка изумленно вытаращила глаза, узрев его мужское достоинство, и страстно возжелала заполучить его, дабы испытать, по ее мнению, максимальное удовольствие. Она глупо полагала, что размер получаемого удовольствия от секса с мужчиной пропорционален размеру его достоинства.

Обручников гордился собой, так как имел огромный член, более чем 20 сантиметров, упругий и толстый, точно такой, а каком мечтала Люся по ночам, энергично мастурбируя,

погрузившись в свои сладострастные эротические фантазии. Застежка молнии достигла основания, но юноша не спешил снимать свои потертые джинсы, он только распахнул их, как врата райского сада. Люся узрела, что лобок юноши гладко выбрит да самого основания мощного нефритового стержня, твердо схваченного хлопчатобумажной тканью джинсов. Привычку брить лобок Костя перенял у отца. Тот всегда брил лобок и подмышки.

«Костик, – часто говаривал батяня, – женщины любят, чтобы от мужика не пахло потом, а главное вошки не заведутся...»

Обручников неторопливо расстегнул кнопки на своей рубашке, явно затягивая с этим делом, он уже смирился со своей участью, более того, ему стало интересно узнать, а чем вся эта авантюра кончится. Он улыбнулся снова и тонкими длинными пальцами начал ласкать свое жилистое тело. Пальцы юноши мягко скользили сначала по его животу, а затем по волосатой груди. Костя игриво щипал пальцами своих сухощавых рук коричневые, возбужденно торчащие соски и ухмылялся, поскольку Люся уже начала стонать от волнения. Юноша то скользил вниз сильными, но нежными, руками, опускал в джинсы, то полз вверх и ласково гладил соски.

Люся застонала громозвучнее, страстно возжелав, чтобы Костя скорее снял свои ненавистные джинсы, скрывающие огромный объект ее вожелания. Девушка жаждала увидеть этот мощный агрегат, этот невообразимо огромный стержень услады, жаждала увидеть юношу полностью обнаженным. Она начала расстегивать свою блузку, ее руки, трепещущие от волнения, также не слушались. Люся пылко желала юношу, хотела поскорее почувствовать его сластолюбивый конец в своем похотливо зудящемся начале.

В конце концов, она обещалась заплатить хорошие деньги за любовь, и потому резонно хотела играть со своей новой игрушкой по своим правилам. Девушка сняла свой полупрозрачный, ажурный лифчик, и ее маленькие упругие грудки вырвались на долгожданную свободу. Снимая одной рукой свою узкую юбку, девушка начала протирать свою возбужденную киску прямо через дорогостоящие колготки.

Обручников улыбался еще шире, так как он еще ни разу не видел, как раздеваются девушки, кои обладали бы красотой, которой можно любоваться. Впрочем, и как разоблачаются обыкновенные девушки Костя тоже ни разу не лицезрел. Люся вонзила ногти в ткань нейлона, и колготки разорвались. Холодный воздух сквозь дырку в колготках ворвался в открывшиеся розовые половые губки, и Люся начала дрожать от волнения. Ее пальцы суетливо двигались поперек ее внешних губ, а дрожь удовольствия управляла ее спинным хребтом, девушка открыла свою киску для Обручникова, чтобы он мог разглядеть ее прелесть.

Другая рука ласкала чувствительный сосок и вытягивала его на полную длину. Людмила стиснула свои ровные белоснежные зубы и застонала от боли, кою она причиняла себе, но эта боль несла и блаженство. Розовый сосок сиял свежими царапинами, которые оставили длинные ногти девушки, расцарапав кожу поперек мягкой белой грудной плоти.

Юноша улыбался и наблюдал за девушкой, наслаждаясь зрелищем и возбуждаясь совместно с ней. Люся была всегда груба с собой, она любила причинять себе боль. Она вонзала свои острые ноготки глубоко в плоть, сжимала и громко визжала от боли и наслаждения.

Обручников резким движением скинул джинсы, и выпустил своего петуха на свободу. Увидев его, девушка облизнула свои воспаленные, пухлые губы, будто тот выглядел лакомым блюдом, кое она зверски хотела проглотить.

Люся не стала ждать, когда Обручников пригласит ее, она встала, захватила рукой его инструмент и потянула юношу в постель. Костя был ее игрушкой в течение ночи, и она знойно хотела играть. Девушка погладила член и потерла головкой члена губки своей влажной киски, сделавшиеся скользкими от обильных соков ее вожелания. Молодой человек покойно закрыл глаза и затрепетал, поскольку Люся начала протирать свой возбужденный клитор кончиком головки его члена. Другая рука двигалась вокруг упругой ягоды Обручникова. Ноготки глу-

боко впились в твердые мускулы, оставляя широкие болезненные царапины. Юноша задрожал от боли и заулыбался от блаженства.

Девушка безапелляционно растерзала невинные колготки, чтобы облегчить доступ возбужденного аборигена в пещеру ее блаженства. Она резко надавила на ягодицы Обручникова, навалившегося на нее всей своею неуклюжей тяжеловесностью, и возбужденный орган легко вошел в ее расслабленную плоть.

Молодой человек приподнялся на локтях над трепыхающимся в сладостных судорогах червонным от возбуждения женским телом. Его горячий губастый рот нашел ее торчащие соски, и Костя начал ласково посасывать и покусывать их. Одна из его рук грубо захватила волосы девушки, и юноша сильно потянул их к себе, сам не осознавая, что делает, страсть помутила его сознание. Люся пронзительно вскрикнула, поскольку Обручников начал наматывать потные волосы на кулак, переплетая в своих сильных пальцах. Боль слилась с удовольствием, и тело девушки заколотилось от наслаждения.

Люсина киска сжимала напряженный член, девица вкушала каждый толчок мужского тела. Неожиданно Люся пылко заголосила, ее чувственное тело напряглось, будто стало стальным. Молодая распутница дерзко вздрогнула и мощно забилась в конвульсиях, корчась от наступившего оргазма. Рука юноши в волосах расслабилась, скатилась с потной спины девушки и начала мягко ласкать ягодицы. Люся замолкла и, тяжело дыша, грубо столкнула Обручникова с себя.

Немного полежав на спине, красotka встала, подняла валявшиеся на полу юбку и блузу, и одела их прямо на потное, раздумянившееся от возбуждения голое тело. Обручников присел на край кровати, наблюдая, как Люся расчесывает щеткой свои слипшиеся волосы. Заполучившая свое, развратница взяла кожаную сумочку, извлекла из нее массивный бумажник и презрительно посмотрела на уставшего юношу. Тот сладостно улыбнулся ей. Люся тоже улыбнулась в ответ и бросила зелененькую купюру на смятую постель.

– Это тебе, грубятина, компенсация за утраченную девственность – купи себе пособие по сексу, а то не будешь иметь успех среди женщин, не все такие мазохистки, как я. И не все любят трахаться с ничего не умеющим девственником, – снова улыбнулась Люся, и внезапно изменилась в лице и сердито добавила:

– А теперь вали отсюда, пока я кого-нибудь не позвала. И забудь, что здесь было. Если кому-нибудь сболтнешь – ты не жилец. И больше не ищи со мной свидания, даже не здоровайся при встрече, хотя это лишнее...

Через несколько минут окрыленный Константин бежал, летел вверх по лестнице в свою комнату домой к скучной обыденной жизни, несмотря на грубое окончание randevu. А девушка осталась одна с унылыми собственными делами и занудным мужем-бизнесменом, для которого самым основополагающими в жизни было зарабатывание денег, кои так легкомысленно тратила его легкомысленная жена...

2. Смерть в собственном кабинете

У Алексея сегодня было дежурство, ребята пошли смотреть футбол по телевизору, а так как, Катин не был заядлым болельщиком, то его оставили на телефоне. В жизни всегда так происходит, если не куришь или не любишь футбол – иди, работай. Но и работой бдение на телефоне тоже нельзя назвать, хотя это гораздо лучше, чем выезд на пожар. Иной раз несколько раз за ночь поднимут, а все из-за каких-то горящих мусорных бачков и невинных детских шуточек со спичками, приведших к возгоранию паласов или портьер.

Катин вышел на улицу, выкурил сигарету и полюбовался прозрачным, звездным небом.

«Нет у нас в деревне, звезды красивее, там нет никакой подсветки от всех этих фонарей и многоэтажек, звезды, будто бесценные жемчужины на черном бархате неба... – думал Алек-

сей, глядя на звезды, – Воще, начал выражаться, как Костик, но ему это простительно, он же поэт, а я-то чего это, совсем, что ли, сбрендил?»

Катин вернулся к телефону, сел за старый покосившийся стол и, облокотившись, попытался задремать, но сон не шел в голову, тогда пожарник вынул из ящика ворох старых пожелтевших газет и, выдернув одну наугад, под названием «Централ», и собрался читать все подряд, но тут его внимание привлекла статья с броским выкриком: «Смерть в собственном кабинете»

Двадцатилетний журналист Константин Б. вчера был найден мертвым в собственном кабинете в здании редакции газеты «ЗА МЕТАЛЛ» N-ского металлургического завода.

По словам следственной бригады, незамедлительно выехавшей на место преступления, смертельный удар был нанесен корреспонденту малотиражки сзади тяжелым железным предметом, очень похожим на гаечный ключ. Ударивший достаточно был высокого роста, возможно даже женского пола, поскольку ударов было несколько, а так мог поступить только не очень сильный человек, не сумевший с первого раза нанести единственно смертельный удар.

Хотя, есть нелепое предположение, что молодой человек, раскачиваясь на стуле, мог потерять равновесие и упасть на спину, в результате чего погиб от удара головой о железную трубу отопления.

Но это очень неправдоподобная версия, поскольку нужно было несколько раз упасть со стула, это все равно, что несколько раз наступить на лежащие грабли. При всем при том, следствие должно подвергать рассмотрению все версии происшествия, даже самые абсурдные и несуразные.

Следователь прокуратуры капитан Хатрейн, коему поручено ведение сего странного дела, совсем не отрицает версию заказного убийства. В предсмертных своих статьях Константин Б. изобличал деятельность руководства N-ского завода, вскрывая факты незаконной распродажи имущества завода, тем более что, по свидетельствам уборщицы, незадолго до несчастья в кабинете у журналиста была высокая, рыжеволосая девушка.

Если девушка была профессиональной киллершей, то не стала убивать жертву таким странным образом. Скорее всего, основной причиной, послужившей отправным пунктом в деле является сведение личных счетов или бытовые, любовные разборки. А может эта девушка, просто является психически неуравновешенным серийным убийцей?

Остается только фантазировать на заданную криминальную тему. Представьте себе Константина, склонившегося над листом бумаги, отставить, над клавишами персонального компьютера, ибо сейчас только самый ленивый не пользуется сейчас компьютером. И даже сия статья набрана на «пентиумном» компьютере. Итак, журналист немножко нервничает, закуривает сигарету одну за другой и гасит, не докурив. Ему срочно нужно сдать материал в номер, а у него нет ни одной мал-мал подходящей темы. Он чешет ладонь правой руки, пытается вспомнить к чему бы это. Потом прогуливается по кабинету, глядит в окно на серые корпуса комбината, снова садится к компьютеру. И тут в дверь кто-то барабанит в дверь, простите, тихо стучит. Вваливается, вмещается в помещение рыжеволосая девушка, для убедительности, в рабочем комбинезоне и гаечным ключом на 42.

– Вы Константин Б.? – спрашивает она нежненьким голоском и, получив утвердительный ответ, жестом предлагает корреспонденту сесть к столу. – У меня есть хороший материал для вас.

Молодой человек садится за клавиатуру и готовится слушать. Девушка ходит за его спиной и рассказывает о сексуальных домогательствах сменного мастера или очередной задержки выплаты зарплаты на пятом участке. Константин внимательно слушает и бегло стучит по шершавым клавишам клавиатуры. И в это момент, когда корреспондент совсем не ожидает подвоха, красавица наносит несколько ударов по теменной части головы. Молодой человек падает, а девушка, завернув ключ в тряпье, незаметно уходит.

Но ее в коридоре видит уборщица. Хотя, может быть, все было иначе, и девушка, кою видела пожилая женщина, может совсем не причем. Да и была ли эта девушка, а может все это пьяные бредни подвыпившей уборщицы-алкоголички, о чем свидетельствовали некоторые сотрудники редакции.

Но факт остается фактом, погиб человек, и нужно искать причины, которые послужили причиной его преждевременной смерти...

Что ж, нам ничего не остается, как ждать результатов экспертизы и следствия, но, а пока ни тяжелого предмета, ни рыжеволосой девушки не было обнаружено...»

«Какая бредятина, – подумал Алексей, дочитав статью до конца, – и кто читает всю эту дребедень про убийства, грабежи, бандитские разборки? Точно говорил Обручников, человечество сходит с ума, а может и не он, что-то я совсем запутался.

Мистические ужасы Эдгара По – это детские шалости, по сравнению с той чернухой, о которой сейчас пишут в разросшихся, как грибы после благодатного дождя, криминальных газетах и журналах, с красочными кровавыми иллюстрациями, многочисленными трупиками и откровенной расчлененкой...

Кстати, ведь я на прошлой неделе был в этой редакции и с этим журналюгой общался. Я ему придурку говорил, что нужно заземлять компьютеры, иначе быть беде. Во, как будто в воду глядел...»

Отложив газету, Алексей, навалился на руки и попытался задремать. Внезапно он почувствовал, как кто-то тихонько тронул его за плечо.

– А... Что такое?.. – попытался что-либо понять Алексей.

Он протер глаза и увидел перед собой двух молодых человек, весьма странной наружности, такое было ощущение, что они только что встали из могилы. Хотя они и были одеты весьма прилично, их посиневшие губы и глубоко ввалившиеся пустые, ничего не являющие глаза насторожили Алексея, если не сказать иначе, сильно его устрашили.

– Кто вы?

– Спокойно, Леша, мы не причиним тебе ничего плохого, по крайней мере, больше, чем ты сделал с нами, – промолвил вкрадчивым негромким голосом высокий мускулистый гость, усаживаясь на стул, стоящий рядом со столом.

– Но я вас не знаю.

– Зато мы знаем тебя хорошо... – усмехнулся второй не менее крупный и мускулистый пришелец, усаживающийся напротив.

– Что вам от меня надо?

– Мы хотим поговорить с тобой, открыть тебе глаза...

– О чем мне с вами говорить?

– Во-первых, давай познакомимся. Меня зовут Костя, Костя Бикин, – произнес гость, сидящий напротив. Маска его лица была немного задвинута вперед, так бывает, когда вскрывают черепушку, а потом забывают натянуть личину обратно на «котелок». По крайней мере, Леше так растолковывал его близкий родственник-врач, когда они хоронили внезапно умершего дядю.

– А меня зовут Константин Андрияшин, – усмехнулся посиневшими губами молодой человек, и от него дохнуло адовым жаром. – Не пугайся, это у меня от купания в котле с металлом, до сих пор не могу остыть.

– А меня...

– Не надо представляться, тебя, Леха, мы знаем очень близко, – натянуто улыбнулся Андрияшин.

– Откуда?

– Придет время – узнаешь. Только у меня вопрос к тебе, – и Константин Бикин наклонился к Алексею, чтобы лучше разглядеть выражение его расширенных от удивления и страха глаз. – Зачем ты Петюшку-то на тот свет спровадил, мы, ладно, тезки Великого Агнца, а он-то причем?

– Я его не убивал... – заверещал Алексей.

– Ну да, и нас тоже... – как-то растерянно проговорил Андрияшин.

– Я никогда никого не убивал.

– Конечно, конечно, – согласился Андрияшин. – Что ты нас испугался? Оставь это глупый пережиток, я, правда, когда был жив, тоже боялся мертвяков. Но теперь не боюсь.

– А я, – оскалил желтые зубы Бикин, – страшно как боялся смерти. В детстве дурак придумал себе сказочку-успокоачку, что когда придет мое время кони двигать – люди выдумают средство продлевающее или даже побеждающее смерть, но теперь меня это не страшит.

Алексей понемногу пришел в себя. Дело в том, что покойник затронул тему, коя его самого волновала не меньше.

– А скажи, Костя, что там ждет за порогом смерти?

– Придет время – узнаешь, – прыснул Бикин.

– А тебе-то зачем? – поинтересовался Андрияшин. – Ты уже не один раз за этот порог хаживал.

– Но почему я не помню?

– Придет время – вспомнишь... – хитро прищурился Костя Бикин, – Только у нас к тебе одна просьба – не убивай больше никого, кроме...

И гости исчезли также неожиданно, как и появились.

Катин очнулся и приподнял тяжелую голову. В полумраке дежурки никого не было.

«Говорила мама, не читай всякую дрянь на ночь глядя, будут кошмары сниться...»

3. Диалоги, диалоги, диалоги...

Каждый вечер, вернувшись в собственную комнату после трудного учебного дня, Константин, будто неизлечимый наркоман, включал DVD-плеер для просмотра созданного им телефильма. Друзья-товарищи, с коими он делил место под крышей общежития, заблаговременно расходились по другим комнатам, ибо терпеть эту длящуюся уже много дней пытку не мог уже никто. Кто-то предложил даже сломать диск, чтобы у Кости больше не возникало неуправляемого желания смотреть и смотреть, и смотреть свой фильм. Но, зная Костину невыдержанность и вспыльчивость, никто не решился применить к Обручникову такие бесчеловечные меры.

Вот и сейчас, едва вернувшись из института, Константин, сразу же завалился на кровать с дистанционным пультом управления. Диск с видеофильмом все время находился в плеере. Славка с Игорьком уже давно слиняли к соседям, еще завидев из окна, Константина, семяющего к двери общежития с наркотическим блеском в глазах.

Девушка и юноша, обретя свои первоначальные, человеческие формы, бредут по бескрайнему ромашковому полю и оживленно беседуют, совершенно не шевеля распухшими от поцелуев губами. Зритель видит только широко выразительные глаза и крепко сцепленные руки и слышит голоса идущие не от влюбленных, а откуда-то сверху, может быть даже с небес, будто это разговаривают не люди, а их души или ангелы-хранители. Звенит, переливаясь на все лады, легкая, оптимистическая мелодия, к неспешному звучанию примешан вкус стрекотания кузнечиков, жужжания летающих тварей и сладкоголосое пение птиц.

– Милый, наш мир создан из рук вон плохо, люди в мире не живут, а маются...

– Милая, наш мир создан просто замечательно, люди в мире не маются, а живут...

- Милый, жизнь быстротечна и, в конце концов, нас всех ждет СМЕРТЬ!
- Милая, смерть скоропреходяща и, в конце конца, нас ждет новая ЖИЗНЬ!!!
- Милый, не все люди умеют любить; и не все знают, что любить других – это такое счастье.

– Милая, все люди рождены для того, чтобы любить, но многие из них думают, что любить других – это большое горе, поэтому они любят только самих себя.

– Милый, почему ты перечислишь мне, разве ты не любишь меня?

– Милая, возлюбив меня, разве ты не перечислишь себе?

На корявом сухом дереве заводит свои рулады соловей или какая-то другая певучая пташка. Юноша и девушка обречено замолкают. Слышны только пение птицы и ритмичные удары влюбленных сердец. Когда восторженный певец замолкает, прерванный бессловесный разговор душ безотложно продолжается.

– Любимый, разве может сравниться божественное пение живой птички со звучанием искусственно созданной композитором музыкой?

– Любимая, а разве нужно сравнивать живое пение птички со звучанием созданной искусственным композитором божественной музыкой?

– Любимый, ответь: а существует ли во Вселенной жизнь, подобная нашей?

– Любимая, а существует ли подобная Вселенная в нашей жизни?

– Любимый, ты думаешь, все, что мы видим – это игра нашего воображения?

– Любимая, видишь ли, все, что я выдумал – это воображение нашей игры...

– Любимый, я хочу иметь от тебя ребенка...

Юноша ничего не отвечает девушке. Он подхватывает ее на руки и начинает кружиться. Сначала медленно, потом сильнее, еще сильнее, пока влюбленные не превращаются в пестрый вертящийся волчок. Начинает звучать тягучая, как «Orbit» музыка и пахучая как Гаванская сигара. Между грубых и громких звуков слышны нежные нотки печали и опасливый шепот юноши:

– Я тоже хочу, но еще не время. Для того чтобы родить ребенка, одного желания мало.

Время нашего ребенка еще не пришло. Но я безнадежно знаю его новое имя и пол.

– Я тоже! Это будет девочка...

– Девочка?

– Да, девочка.

– Хорошо, пусть будет девочка, и звать ее будут...

– Анастасия!

– Анастасия? Но я думал...

– Зачем думать, все уже решено за нас на небесах...

– Наверное, ты права.

– Я люблю тебя, милый...

– Помолчи, послушай Вселенную, она молчит, как беспокойно и тревожно молчит Вселенная. Видно ей не хочется видеть нашего счастья и любви, она не хочет, чтобы у нас была дочка Ася...

– Какие глупости, милый, по-видимому, ты боишься этого сам. Ребенок ни может не родиться, если ему предопределено стать хрупким плодом нашей страстной любви, как и Вселенная ни может молчать. Нет, милый, она поет, просто ослепленный своей страстью, ты сам ничего не хочешь видеть и слышать, а может и осмысливать...

– Я боюсь, любимая, боюсь потерять тебя, так и не обретя земного счастья, как недавно я потерял жизнь.

– Но я же вернула ее тебе...

– Вернула, но мне кажется, что не всю...

– Как это, не всю?

– Не знаю, ничего не знаю-уюю...

Вертящийся в сумасшедшем ритме волчок резко затормозил, и утомленные тела юноши и девушки спинами упали на сочную изумрудную траву и белоснежные цветы.

– Я не вижу звезд, милая.

– Еще не ночь.

– Я не слышу ветра, милая.

– Еще не шторм.

– Я не знаю жизни, милая.

– Еще не смерть!..

В дверь комнаты кто-то вероломно постучал, и Константин прогневлено нажал на кнопку «Стоп», полный негодования справился:

– Кто там?

– Твоя смерть!

4. Выход королевы

Алексей прилетел в Парк победы, где стоял памятник танку, первому ворвавшемуся в город, без двух минут 12. Прошло томительных пять минут, но никого – ни жертвы-девушки, ни злодея-парня – не было видно.

«Может быть, зря это я все затеял, лучше бы отсыпался после дежурства, а не занимался несвойственным мне занятием. С каких пор пожарные стали вызволять невинных жертв из рук неведомых убийц? Надо было сообщить в милицию, хотя ей это тоже все до фени, как и многим в этом жестокосердном мире...

Что-то я стал красиво выражаться, будто Костыка...

Не к добру это все...»

Прошло еще несколько долгих минут и, когда Катин уже собрался уходить, на аллее в глубине парка появилась высокая, стройная девушка.

Она шла, не торопясь и немного наклонив вперед голову и, как показалось Алексею, пританцовывая. Дул порывистый сентябрьский ветер, и Анжелика, как какая-нибудь принцесса, (нет! королева!!!) грациозно придерживала развивающиеся, как паруса, полы свободного, цвета утренней зари, платья. Дующий ветер – озорник и большой шалун, совсем расхулиганившись, то и дело играл с вьющимися локонами шелковистых темно-каштановых волос девушки.

Все в ней было совершенно и гармонично: и плотно сбитое, гибкое тело, и высокая грудь, и округлые широкие бедра. Каждое движение Анжелика подтверждало, что и по жизни она идет так же, как по этой усыпанной опадающей листвой алее – свободно и легко, улыбаясь и пританцовывая.

У Катина заколотилось сердечко, и сильная боль, аналогичная утренней, но более отчетливая и безжалостная, сдавила виски. Шатенка не дошла до Алексея метров десяти, как от дерева, полевую сторону от песчаной дорожки, отделилась огромная фигура молодого мужчины немного деревенской наружности.

– Анжелика, Эйджил, – окликнул он девушку и медленно полез в карман за папиросами. Девушка приблизилась к нему и громко чмокнула в щечку. Улыбка ни на мгновение не сходила с ее кругленького, немного полноватого лица. А в больших, сияющих почти черных глазах ревелись маленькие, неугомонные чертята.

– Hello, Костик, *I'm sorry to be so late*, опоздала немного...

Голос девушки звучал мелодично и сладострастно так же, как тот музыкальный инструмент, звучание которого Алексей слышал однажды на концерте, но, к своему сожалению, названия не запомнил. Какое-то мудреное у него было название, итальянское...

– Идем к пруду, – предложил парень и, взяв Анжелику под руку, повел ее напрямик, через заросли сирени.

Катину ничего не оставалось делать, как следовать за ними.

«Экий геркулес, если что случится, я еще и не справлюсь с ним, хотя и силенкой меня Бог не обидел. Но, да, что думать, проживем – увидим... Может все еще обойдется. Не могу же я допустить, чтобы на моих глазах совершилось душегубство», – одна мысль набегала на другую, все перемешалось, как в недавнем, жестоком сне...

Со скамейки на боковой аллее поднялся приземистый мужчина неопределенного возраста и заурядной внешности. Одернув штанины брюк, незнакомец неожиданно закашлялся, закатывая глаза и хватаясь за воздух тонкими, как плети, паучьими руками. Когда приступ кашля прекратился, человек недовольно покачал головой и, прихрамывая на левую ногу, неторопливо направился к выходу из парка.

У выхода его окликнули, когда незнакомец оглянулся, он увидел, как к нему спешат высокий мускулистый юноша с белокурой девушкой.

– Где они? – спросил властным голосом юноша.

– Кто?

– Не пори муру, Исаак, ты ведаешь, о ком идет речь. Куда они пошли?

– Зачем вам это, вы уже не силах помешать. Великий Экзекутор на этот раз не выполнит свою миссию.

– Ну, мы это еще посмотрим, бежим... – уверенно произнесла девушка и, крепко схватив юношу за руку, потянула его в глубь парка, – Я думаю их надо искать у пруда...

5. Продолжение кошмара...

Алексей не понял, что произошло с ним... Спустя некоторое время после того, как Петр начал извращенно истязать безмолвствующего немого Савву, случилось нечто сверхъестественное, и случилось совсем неожиданно, не только для монахов, но и для самого Катина.

Неизвестно откуда появившаяся блестящая мысль схватила себя за хвост и приподнялась над полом. Еще мгновение, и она стала сияющим золотым нимбом. Нимб завис над головой Катина, и вся зала озарилась необычным, мерцающим светом.

Алексей осмотрел себя и удивился необычности своего наряда. Белые, свободные одежды ниспадали с плеч, увеличивая его схожесть с архангелом Гавриилом, внегда оный предстал перед Девой Марией с благой вестью.

И вот, помимо своей воли, Катин произнес громогласным голосом, звучащим торжественно и сурово:

– Восстань, отрок!

Юноша с большим трудом, покачиваясь и постанывая, встал, многочисленные путы с шумом упали на каменный пол. Все находящиеся в зале попадали ниц и начали что-то бормотать и причитать.

– Да отверзнутся уста твои!

– Кто вы? – спросил Алексея художник, оглушенный своим же собственным голосом, он никак не мог поверить, что снова обрел способность говорить.

– Возьми *Творение Свое* и следуй за мною.

– Но...

– Обаче, аз рех ти: возьми в руке Творение Свое и следуй за мною... Исполниай ныне же мою волю...

Юноша склонился к деревянному крошеву, и в мгновение ока стружки, щепки и обломки соединились; в дрожащих от волнения руках просветленного монаха засияла золоченая доска с ангельским ликом прекрасной девушки.

– Следуй за мною...

Художник покорно пошел за Алексеем, не понимая, что с ним происходит. Едва за ними захлопнулись двери, как из залы раздался шум обрушивающегося потолка, сквозь громогласный грохот которого были едва слышны громкие крики и угасающие стоны погребаемых заживо монахов...

6. Контакт состоялся

Когда Катин пришел в себя, то увидел склонившуюся над ним Анжелику, по ее раскрасневшимся щекам текли слезы, а пухленькие губки, в этот раз, улыбались как-то загадочно, и вместо чертят в глазах зияла бездонная пустота.

– Наконец-то... Я уж, блин, тухнула за тебя.

Алексей с трудом приподнялся и попытался встать. Все тело от затылка до пят ломило. Сильная боль сжимала виски, и даже немного поташнивало.

Анжелика помогла ему встать на ноги и добралась до ближайшей скамейки.

– Ну что, спаситель мой, сам до дому докандыляешь или помочь?

– Сейчас, отдышусь... Может тебя проводить?

– Вот еще! Неужели ты считаешь, что, если ты защитил меня, я теперь без ума от твоего поступка, что я втюрилась в тебя по уши, что даже, блин, жить без тебя не могу... Это только в дешевых рыцарских романах – дама, спасенная неустрашимым рыцарем, навсегда теряет голову, которой у нее, как правило, никогда и не было. Так что извини, *донкихот* – ты мой героизированный, но я пока образуясь без твоей помощи...

– Не юродствуй, тебе это не идет...

– Как хоть тебя, блин, зовут, защитничек?

– Алексей, Алексей Катин.

– А столь тебе годков-то, горе луковое?

– Двадцать первый идет...

Девушка как-то зло улыбнулась:

– На ловца и зверь, дай бог, чтобы на этот раз не вышло ошибки...

– Чего ты там шепчешь?..

– Ничего... Как ты теперь, Алексей? Оклемаля немного?

Молодой человек потрогал свою голову, боль не отпускала, но тело уже не ныло, как прежде.

– Ничего.

– Ладненько... тогда я сматываю удочки.

– Погоди, Анжелика.

– Эйнжил, – железным, не позволяющим никаких возражений голосом произнесла девушка, – меня зовут Эйнжил Эвил.

– Ты что иноземка?

– Мы все иноземцы в этой жестокой стране. Черт даст, мы еще поговорим на эту щепетильную тему...

Анжелика встала, одернула подол и, чмокнув Алексея в щечку, как еще совсем недавно целовала своего прежнего ухажера, легко зашпешила к выходу из парка.

– Стой, Эйнжил, стой...

Катин с большим трудом догнал девушку и крепко схватил ее за руку.

– Стой... Где мне искать тебя?

– Здесь...

– Когда?

– Может завтра, а может через сто лет... Пусти руку, больно, да...

Выхватив руку, куколка, весело смеясь, бросилась в кусты и скрылась из виду. Алексей медленно опустился на ближайшую скамейку и закрыл глаза, боль прекратилась... Но в душе осталась горечь и обида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.